

Станислав Аверков

**СОВРЕМЕННЫЕ СТРАСТИ
ПО ДРЕВНИМ СОКРОВИЩАМ**

Станислав Аверков

**Современные страсти
по древним сокровищам**

«Книжкин Дом»

2015

Аверков С. И.

Современные страсти по древним сокровищам / С. И. Аверков — «Книжкин Дом», 2015

Когда говорят о сокровищах скифских курганов, то вспоминают скифскую вазу и золото Чертомлыцкого кургана на Украине. О них написано в школьных учебника, в научно-популярных книгах. Но ведь есть еще более интересные скифские курганы в России. Их сокровища тоже хранятся в золотой кладовой Петербургского Эрмитажа. Например, «Хохлач». В книге собрана впечатляющая информация о золотых сокровищах до сих пор малоизвестных Новочеркасских скифских курганов «Хохлач» и «Садовый», о ленинградских и ростовских археологах, раскапывавших древние захоронения, всю жизнь посвятивших раскрытию древних тайн, но при этом не всегда находивших между собой точки соприкосновения. Читатель узнает, что раскопки сокровищ из кургана Садовый велись с большим трудом на фоне трагедии, разыгравшейся в Новочеркаске в 1962 году – расстрела населения, восставшего из-за неудовлетворительной экономисечкой политики Н.С. Хрущева.. В книге рассказано о легендарных кладах «императора Петра III», то есть атамана Емельяна Пугачева, зачисленном современными украинскими историками в украинские казаки. Будто бы Емельян Пугачев мечтал о независимости Украины и закапывал свои клады для использования в дальнейшем для развала Российской империи. В книге читатель найдет не украинизированную историю донского казака Емельяна Пугачева и его кладов. В ней рассказывается не только о золотых пугачевских кладах, но и о тех современных украинских историках, кто приписывает Емельяну Ивановичу украинские корни и его намерение развалить Российскую империю во имя того, чтобы Украина стала независимой. Будто бы золотые клады Пугачева были зарыты в уральскую землю для того, чтобы они могли быть использованы в дальнейшем в борьбе украинцев за «незалежность»! Прочитав книгу, читатель придет к выводу, что украинский язык возник из-за контактирования средневековых русских жителей Киевского и Волынского польских воеводств с поляками во время проживания в течении почти четырехсот лет в Польше. Автор показывает, что казачья семья Пугачевых

зародилась не где нибудь, а на Дону, и что донской казак, хорунжий Емельян Пугачев в молодости воевал в составе российской армии с Османской империей, чтобы впоследствии Крым вошел в состав Российской империи! О кладе Запорожских казаков опубликованы многочисленные романы. Но не было еще книг о том, что клады запорожских казаков были спрятаны ими в Ростове-на-Дону. Страницы книги посвящены золоту украинского наказного атамана Павла Полуботка, будто бы помещенном им в Английском банке. Потомки Павла Полуботка, проживавшие и ныне проживающие в России, на Украине, в Бразилии и других странах, ищут свое золотое наследство до сих пор. В книге повествуется о том, что некоторые полуботковские потомки считают, что золото их предка авантюра чистой воды. Другие, например бывший ростовчанин Шеболдаев – делегат XVII съезда ВКП (б), выступивший против избрания Сталина генсеком и голосовавший за Кирова, были из-за полуботковского золота расстреляны в 1938 году. Ныне ходят легенды о том, что полуботковское золото во время Великой Отечественной войны было использовано Сталиным по договору с Черчиллем для оплаты зарубежных поставок Советскому Союзу морских судов, самолетов и автомобилей. В книге рассказано о космодроме «Капустин Яр», построенном на древней земле столиц хана Батыя, повелителя «Золотой Орды», и о его сокровищах, время от времени обнаруживаемых недалеко от космодромных построек. О драгоценностях, которые природа преподносит испытателям ракет на космодроме Байконур в виде опалов и сердолик. Читатель узнает о тайне Курильского острова Шумшу, ставшим известным из-за последнего сражения Второй мировой войны, происходившем на нем. Ныне авантюристы всех мастей пытаются проникнуть в его подземелья. Что они найдут в них? Что было спрятано в его подземельях японцами? Золотые сокровища на двести миллиардов долларов или бактериологическое оружие на более чем миллиард блох и вшей – разносчиков чумы и тифа? Читатель узнает из книги, что самый лучший в мире янтарь хранится на побережьях Арктики, Сибири и Дальнего Востока и какого рода-племени любители камней – самоцветов Пушкин и Чингизхан. Книга читается с захватывающим интересом, адресуется не только юношескому поколению, но и зрелому возрасту.

© Аверков С. И., 2015

© Книжкин Дом, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава I	9
1. Украденное золото из новочеркасского кургана Хохлач	9
2. Кража умопомрачительного «Золотого открытия»	17
3. Скифские золотые племена	19
4. Императорская археологическая комиссия ищет золото	22
5. Из-за винзавода пришлось найти золото	25
6. Трудно быть зловредным Клейном	29
7. Восстание в Новочеркасске	33
8. Борьба за сарматское золото	38
9. Кража сарматского золота в Ростовском музее	41
10. Золотой ростовский сыщик	43
11. Борьба за древнее золото не имела начала и не имеет конца	46
Глава II	49
1. Золотая рыбалка	49
2. Космическая гавань на земле «Золотой орды»	51
3. Донской казак Ермак Тимофеевич на Ахтубе	54
4. Легенды о Ахтубе	56
5. Золото и рубины Сарая-Бату	58
6. Золотые кони хана Батыя	61
7. В поисках золотого коня Мамая	63
8. Второй золотой конь у ушкуйников Великого Новгорода?	65
9. Золотой конь в Ростове-на-Дону?	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Станислав Иванович Аверков

Современные страсти по древним сокровищам

Предисловие

Древние и средневековые драгоценности вызывают у представителей рода людского и восхищение, и зависть, и лютую ненависть, и желания завладеть ими. У других наших современников стремление к древностям мобилизует их к познанию истории человеческого племени. И то и другое бывает связано с трагедиями, возникающими при желании прикоснуться к древним и средневековыми таинствам. В этом суть книги «Современные страсти по древним сокровищам».

В столице Донского казачества Новочеркасске развернулись детективные истории. Еще в 1864 году при раскопках кургана Хохлач была похищена часть древнего золота. Уцелевшая часть сокровищ Хохлача еще в XIX веке по приказу императора Александра II была помещена в золотую кладовую петербургского Эрмитажа.

В 1959 году всплыли на свет предки похитителей. Одна из них, поданная Греции, попыталась разыскать в Новочеркасске похищенное в XIX веке и запрятанное своими родственниками – белым казаками в 1920 году золото из кургана Хохлач. Во время поисков этих скифских драгоценностей погибли в 1959 году два человека. К поискам невольно был причастен и автор этой книги.

В 1962 году начались раскопки второго Новочеркасского древнего кургана Садовый. Они совпали с восстанием новочеркасцев против повышения цен правительством Н.С. Хрущева на продовольственные товары. Поэтому раскопки велись под строгим наблюдением сотрудников КГБ. Но когда в Садовом кургане были вскрыты золотые сокровища, то между ленинградскими археологами возникла борьба за это Садовое золотое первооткрывательство. Кто бы мог подумать, что исход этой борьбы смогли решить только сотрудники КГБ. Впоследствии из-за этого золота произошло уголовное преступление в краеведческом музее Ростова-на-Дону. Об этом подробно рассказано в книге.

Если читатель познакомится со следующими страницами книги, то узнает, как связан современный российский космодром «Капустин Яр» на берегу волжской протоки Ахтубы со средневековой монгольской «Золотой Ордой» и золотыми конями хана Батая.

В книге рассказано о легендарных кладах «императора Петра III», то есть атамана Емельяна Пугачева, зачисленном современными украинскими историками в украинские казаки. Будто бы Емельян Пугачев мечтал о независимости Украины и закапывал свои клады для использования в дальнейшем для развала Российской империи. В книге читатель найдет не украинизированную историю донского казака Емельяна Пугачева и его кладов.

В ней рассказывается не только о золотых пугачевских кладах, но и о тех современных украинских историках, кто приписывает Емельяну Ивановичу украинские корни и его намерение развалить Российскую империю во имя того, чтобы Украина стала независимой. Будто бы золотые клады Пугачева были зарыты в уральскую землю для того, чтобы они могли быть использованы в дальнейшем в борьбе украинцев за «незалежність»! Прочитав книгу, читатель придет к выводу, что украинский язык возник из-за контактирования средневековых русских жителей Киевского и Волынского польских воеводств с поляками во время проживания в течении почти четырехсот лет в Польше.

Автор показывает, что казачья семья Пугачевых зародилась не где нибудь, а на Дону, и что донской казак, хорунжий Емельян Пугачев в молодости воевал в составе российской армии с Османской империей, чтобы впоследствии Крым вошел в состав Российской империи!

Одна из самых интригующих глав книги посвящена розыску «Золотой Скарбницы» запорожских казаков. Где она находится? Не поверите! В Ростове-на-Дону! Автор подробно описывает историю возникновения запорожской «Золотой Скарбницы» в Ростове-на-Дону.

Ростов-на-Дону имеет отношение и к золотым бочкам украинского наказного гетмана Павла Полуботка. Их поиск в Лондонских золотых закромах ведется уже в течение более чем 250 лет. Предков Павла Полуботка ныне многие сотни. Все они убеждены, что наказной гетман спрятал свое золото в Англии ради них, что они являются прямыми наследниками этого золота.

Инна Никандровна Рошевская и ее дети, в числе наследников. Ее сын видный партийный деятель ВКП (б) Б. П. Шеболдаев в тридцатые годы проживал в Ростове – на-Дону. Тогда Борис Петрович был первым секретарем Азово-Черноморского крайкома ВКП (б). В 1934 году был делегатом XVII съезда ВКП (б) и был расстрелян в 1937 году. Якобы по причине активного участия в Кремлевском заговоре во главе с Енукидзе. Согласование деталей этого заговора происходило якобы в Ростове-на-Дону в кабинете Шеболдаева под руководством крестного отца жены Сталина Авеля Сафроновича Енукидзе. Шеболдаев будто бы вместе с Енукидзе на XVII съезде уговаривал Кирова возглавить ВКП (б) вместо Сталина.

В деле Бориса Петровича, заведенном НКВД, было записано, что Шеболдаев приговорен к расстрелу из-за связи с англичанами в Париже. Борис Петрович будто бы просил англичан содействовать в получении золотых бочек Полуботка из Английского банка в случае, если ему и его сообщникам придется бежать из СССР за рубеж, если Кремлевский заговор провалится.

Была репрессирована вся семья Бориса Петровича.

Была репрессирована и другая ветвь наследников Павла Полуботка – графов Капнистов. Граф Ростислав Капнист был расстрелян большевиками в двадцатые годы в Крыму. Его дочь Мария Капнист из-за золота своего предка была репрессирована и отсидела многие годы в лагерях ГУЛАГа. После реабилитации стала Заслуженной артисткой УССР. В кинофильмах ей поручали роль злодеек, потому что у нее была характерная гулагская внешность. С этой внешностью ведьмы она не имела себе равных в советском кино.

Ее дочь Рада Капнист рассказала автору книги о том, что «золото Полуботка» – это авантюра в высшей степени.

В книге повествуется и о драгоценностях, которые природа преподносит испытателям ракет на космодроме Байконур. Байконуровские старты были построены на древнем Шелковом пути из Китая в Европу. Но главное в другом! Старты были сооружены на месторождениях драгоценных камней – опалов и сердолик. О них знали и ими пользовались мать и жены Чингизхана. Но об этом забыли наши современники – создатели ракет.

Какого рода и племени Чингизхан? В книге читатель найдет сообщение о том, что на родство с Чингизханом претендуют многие нации на Земле – монголы, казахи, киргизы, ненцы, саамы, долганы, эвенки, евреи, караимы, турки и даже китайцы с англичанами. Теперь вот и украинцы! И все потому, что мать Чингизхана любила янтарные бусы и золотые монисто. Не исключено, что они были добыты в Приднепровье. При рождении мать Чингизхана получила имя Оэлун, что означает по – украински – Олеся! А у самого Чингизхана была рыжая борода и европейские не буквой «О» ноги, как у монголов.

Вот так Чингизхан становится основой для создания древней украинской нации!

Автор книги полемизирует с харьковским историком А. Зинуховым, опубликовавшим не только эту идею, но и идею о происхождении великого русского поэта А.С. Пушкина от караимов, исповедующих иудаизм, то есть родственных евреям. Об этом вроде бы свидетельствует

любимое Пушкиным караимское сердоликовое кольцо, подаренное ему графиней Воронцовой в знак признательности за рождение от Пушкина сына.

В заключение книги рассказано о сокровищах Арктики, Сибири и Дальнего Востока. Арктическое побережье – источник янтаря. Сибирь – источник алмазов из богатейшего месторождения в Красноярском крае возле Хатанги. На Камчатке, о вулканах которой рассказала автору внучка Сталина Екатерина Жданова, огнедышащие горы – родоначальники золота. Побережье Охотского моря, Татарского пролива и острова Сахалин – янтарные. Уже в древние времена японцы выменивали у сахалинцев самый высококачественный в мире янтарь на японский обсидиан – основу для древних нанотехнологий.

Что такое японские древние нанотехнологии, читатели узнают из этой книги.

Глава I

Золотые древние могильники

1. Украденное золото из новочеркасского кургана Хохлач

У каждого свой путь для общения с предками. Что осталось от них в нашем зачастую непредсказуемом мире? Конечно, очень мало – легенды, былины, летописи, в которых могут разобраться разве что только ученые мужи. Дошедшие до нас реликвии в виде многотысячелетних городищ, укрытых наслоениями, сотворенными следующими поколениями и матушкой природой. Древние соборы, в которых мы поклоняемся неутомимым основателям нашей человеческой цивилизации.

Величие наших предков особо ощущается в Петербурге.

В 1959 году группа студентов – дипломников Новочеркасского политехнического института обосновалась на Старом Невском проспекте. Порывшись в книгах они узнали, что начало Старому Невскому было положено монахами Александро – Невского монастыря. Название этого монастыря было данью почтения нашему национальному герою Великому святому князю Александру Невскому. Сам монастырь был построен при императоре Петре I. Впоследствии монастырь стал Лаврой. Для удобства сообщения со строящимся городом Санкт – Петербургом монахи прорубили в лесной чаще просеку. Она протянулась от монастыря до болота. А от Адмиралтейства до болота Петр I приказал вырубить для дороги в лесу деревья и выкорчевать пни.

То болото было особенным. Возле него начинался тракт в глубину России до Великого древнего Новгорода. Это болото ныне называется площадью Восстания.

Но во времена Петра I болото было ликвидировано. Начало тракта, просека и адмиралтейская дорога были соединены – появились площадь и церковь на ее краю. Церковь получила название Знаменской. Так возникла Перспективная дорога от Адмиралтейства через Знаменскую площадь к Невскому монастырю. Часть проспекта от Знаменской площади до Александро-Невской лавры петербуржцы стали называть Старой Невской Перспективной улицей.

В XIX веке во время строительства железной дороги, соединившей Санкт-Петербург с Москвой, на Знаменской площади был выстроен Московский вокзал.

Во время революционных событий 1917 года на Знаменской площади собирались митингующие толпы петроградцев. От того она и получила позже название «площадь Восстания».

Вот в каком историческом месте оказались дипломники из Новочеркасского политехнического института! В одни из первых дней знакомства с Ленинградом решили они пройти пешком от Александро-Невской Лавры по Старому Невскому до площади Восстания. Старо-Невский проспект со своими внушительными интереснейшими зданиями побудил их пойти дальше, не спеша, от Московского вокзала по теперь уже Невскому проспекту до Адмиралтейства. Впечатлений было море!

А затем повернули к Эрмитажу.

Эрмитаж поразил их своей великолепной непредсказуемостью настолько, что заставил забыть о прошлом заочном почти убогом представлении об окружавшим их мире.

В Эрмитаже они впервые увидели шедевры средневековой живописи. Особое впечатление на них произвели и портреты героев Отечественной войны 1812 года. Когда перед ними открыл свои сокровища зал с древними сосудами, мумия, гробницами, пиками и кинжалами, экскурсовод спросила:

– Откуда приехали вы, такие застенчивые молодые люди?

Вначале новочеркасцы замялись, потом вымолвили:

– Из глубинки...

– Наверное, из Чукотки или Туруханского края?

– Нет, мы южане. Из столицы Донского казачества. Из Новочеркасска.

– О, как интересно, что я ошиблась! Неужели донские казаки такие несмелые? А я, возможно, соберусь следующим летом к вам, в земли Войска Донского. Может быть, заеду и в Новочеркасск. Если только выпадет счастье покопаться в Донской земле.

Мы пришли в себя от эрмитажного ошеломления. Спросили:

– От кого зависит ваше счастье?

– Вы и представить не можете, какая у нас, археологов, конкуренция! Вперед вырвались скифские курганы на Украине! Все только и говорят, пишут книги, печатают открытки об украинском Чертомлыке. Но ведь Великая Степь огромна! Одно из ее интереснейших мест – это Дон, Донская земля.

– И наш Новочеркасск тоже? Есть у нас памятник покорителю Сибири Ермаку, казачий войсковой Вознесенский патриарший собор, да и здания нашего политеха – историческая ценность.

– Дорогие мои студенты Новочеркасского политехнического института! Технари вы – технари! Историю своего города вам надо знать не только с поверхности! А если копнуть по глубже, она ведь необыкновенная.

– Вы так интересно рассказываете! Вероятно, вы прекрасный специалист – историк?

– Я археолог, Серафима Ивановна Капошина. Раскопки Донских скифских курганов – это мое призвание. На Великой степи от Великой Китайской стены до Карпат скифы оставили много курганов – могильников. Но мне запали в душу Донские...

Вот так ленинградский экскурсовод всемирно известного Эрмитажа заставила новочеркасских дипломников призадуматься над особенностями столицы Донского казачества. Но к этому загадочному намеку добавился еще один, тоже интереснейший...

Пришло время раскрыться перед читателями. В группу новочеркасских дипломников входил и я.

Итак, в Ленинграде, в Эрмитаже мне впервые пришлось услышать о интереснейшем понятии – Великая Степь. Тогда я не придавал этому названию особого значения. Осознание его пришло значительно позже, когда познакомился с трудами великого советского историка Льва Гумилева.

Великая Степь – это тысячи километров от Алтая до Карпат. На ее просторах тысячелетиями формировались могучие древние государства.

Но об этом читатель узнает позже. А пока давайте вернемся в пятидесятые годы прошлого столетия. Я – пятикурсник НПИ, приехал из Ленинграда, оказался в своей новочеркасской почти деревенской комнатухе.

Места в общежитии мне не нашлось. Мало было оно, только для особо бедных студентов. А у меня папа был в Ростове-на-Дону офицером штаба Северо-Кавказского военного округа! Пришлось снимать жилье возле института у хозяев частного дома номер 18 в переулке Галины Петровой.

Утром наш небольшой город со ста тысячами населения был как улей. Изо всех домов к институту спешили студенты. Их в городе было более двадцати тысяч. Интереснейшее было время! Но рассказ не о нем!

Как-то после возвращения из Ленинграда мои хозяева – три женщины почтенного возраста – пригласили меня в одну из своих комнат и попросили оказать небольшую услугу: не смог бы я съездить в Ростов и встретить там на железнодорожном вокзале их родственницу, приезжающую из Киева.

– Отчего бы не встретить, ведь можно еще раз повидаться с родителями, – согласился я. Родственница оказалась очаровательной женщиной с чемоданом, обклеенным всевозможными зарубежными картинками. Она с акцентом говорила по-русски. Представилась:

– Мари!

– Как-то это не по-русски – Мари! А может быть – Мария или Маша. Это все же было бы по нашескому!

– Я – чужестранка. Из Греции. Из Афин летела в Киев.

Всю дорогу в автобусе, глядя в окно, она расспрашивала:

– Что это? А это что?

Увидела на вспаханном поле кучу земли, восторженно воскликнула:

– Как называется это?

Я задумался: что ответить? Куча и есть куча. Но надо ответить иностранке как-то по красивее. Ляпнул:

– Курган!

Она чуть ли не подскочила:

– Хохлач?

– Может быть, – ответил я, – но, что означает на вашем греческом языке «Хохлач»?

– Это не на греческом. Так мои предки приняли название кургана от народа.

– Какого народа?

Она промолчала.

Я призадумался: какой-то народ назвал курган Хохлачем. Что это за название? В нашем русском народе куриц называют хохлатками. Хохлач, следовательно, – петух? Откуда ее предкам – грекам известно это наше народное выражение? Перепросил. Она разразилась тирадой:

– Мои дедушка и бабушка из России. Убежали из России вместе с детьми.

– Из какого города убежали?

– Из того, куда мы едем. От красных. О, какая я глупая, проговорилась! Ты есть НКВД?

Я рассмеялся. Рассказал, что у нас теперь НКВД нет. Есть КГБ. Я всего лишь студент Новочеркасского политеха, учусь на электронщика. Это мой дядя работал в НКВД, во время войны получил орден Ленина за неизвестную мне операцию. Сколько его ни расспрашивал, он как в рот воды набрал. Недавно он умер.

Мари уставилась на меня:

– Так ты не НКВД и не знаешь, что такое Хохлач? Это наша семейная тайна! Я никому не должна в СССР рассказывать о ней.

... Через несколько дней Мари обрелась ко мне:

– Что интересного есть в Новочеркасске? Не смогли бы Вы сопроводить меня в кино? А то я уже неделю сижу дома, как прикованная. А вы мало обращаете на меня внимания. Все находитесь в институте.

– Так я же работаю над дипломным проектом. В июне у меня защита. И почему ты стала называть меня на «вы»?

– О, вы какой серьезный человек! А я одна боюсь выйти на улицу, ведь я чужестранка.

– Маша, тебя на улице зарежут, что ли?

– В Афинах мне говорили, что в СССР живут одни бандиты. Особенно в Москве. Там все – НКВД. Поэтому полетела в Киев. Там НКВД меньше.

В те дни в городе студенты толпами валили в кинотеатр на Московском проспекте. На афише было написано: «Индийский фильм «Бродяга»!

В зале царил непринужденная обстановка. Студенты вместе с индийскими киноактерами на киноэкране пели «шлягер»:

– Бродяга – Я! А-а-а-а! Бродяга – Я! А-а-а-а!

Парни и девушки тут же обнимались и целовались.

Выйдя из кинотеатра, Мари воскликнула:

– У нас в Афинах говорили – в СССР мрачная, идеологически закованная публика. А я увидела все по-другому. Фильм оказался обычным. У нас в Афинах таких много. Но ваша публика даст фору афинской. Теперь будет о чем рассказать в Греции.

Через некоторое время я заглянул на хозяйскую половину дома. Двери в комнаты были открыты. Из дальней доносились женские голоса. Бабушки спорили с Мари. Из обрывков фраз я понял, что речь идет о том самом неведомом мне петухе.

– Александра! Ты самая старшая из нас. Наверняка знаешь, где родители закопали петуха! Ладно уж, нам твоим таким же, как и ты, престарелым сестрам, ты не намерена раскрыть тайну. Но ведь Мари приехала из заграницы только ради нее!

– Как вы мне надоели! Расскажи! Расскажи! Да еще и покажи! Ткни пальцем или даже носом в кучу земли! Тайна есть тайна. Мне за восемьдесят. Когда будет восемьдесят пять, тогда и раскрою тайну Хохлача.

Из той дальней комнаты выбежала младшая из трех престарелых сестер. Я выскочил на крыльцо, как ошпаренный. Так значит, тайна – не бред гречанки и настолько существенна, что из-за нее разругались мои хозяйки?

Младшая из хозяек схватила меня за руку:

– Станя! Вызови "скорую помощь"! Александре плохо! У нее сердце колотится, как бешеное.

Примчалась "скорая помощь". Врачи констатировали смерть старшей хозяйки. Сердце не выдержало!

Прошло дней десять после ее похорон. Мари зашла в мою комнату:

– Станек, ты прекрасный экскурсовод! Мне нужна твоя помощь. Можешь показать мне окрестности переулка Галины Петровой?

– Почему вы все называете меня по-польски?

– Потому что в нашем роду кое кто взял в жены полячку. Когда в начале XX века донские казаки усмиряли восстание поляков и российский император в знак наказания приказал переместить Варшавский политехнический институт в Новочеркасск и переименовал его в Новочеркасский политехнический, один из моих предков привез в Новочеркасск жену-полячку. Станек, так ты мне покажешь окрестности переулка Галины Петровой.

– Вот это да! Мари, так вы, оказывается, не только донская казачка и гречанка, но еще и полячка! Сколько кровей в вас намешано! Так вы – сплошная тайна!

– Ну что, я собой пороюсь с тобой в окрестностях?

– Неужели надо брать с собой лопаты или бульдозер? И что в переулке копать? Он и так разрыт. Прокладывают трамвайные пути. Невдалеке улица Энгельса, небольшая площадь Чапаева, на ней скверик. Но я покажу вам все, что вас интересует, если расскажете о своих проблемах.

– О, какой ты умный! Перешел на «вы» потому, что тебе надо знать мою тайну!

– А почему бы и не знать! А если вы ищете какой либо запрященный яд или секретное оружие?

Мари надулась и вышла.

Через пару дней она, как кошечка, попыталась обнять меня:

– Станечек! Дорогой! Мне скоро уезжать домой, в Грецию. Но я ничего не разыскала. И мне некому помочь.

– Конечно, обратиться в милицию или в КГБ вам нельзя.

– Какой ты умный. Что же мне делать, не знаю.

– Один выход! Раскрыться! Что же за тайна не дает вам покоя?

– Вот ты какой, настырный! Тайну чуть-чуть приоткрою. Наши предки, убегая, закопали где-то здесь Хохлач.

– Что за чушь. Вы в своем уме? Спрятать петуха! Он что – золотой? Но если настаиваете, могу вас сопроводить по окрестностям. Конечно, за коньячек и все прочее.

Погода стояла непредсказуемая – то ли ноябрьская, то ли мартовская. Одним словом, с неба лили холоднющие водяные струи. Почти ураганный ветер сбивал с ног...

Мы лазали по кучам камней и земли по переулку, перебрались в скверик Чапаева, на улицу Энгельса. Промокли. Ее и меня бил озноб.

Неужели так необходимо было Мари рыться в грязи переулка и в скверике, чтобы отыскать там какие-то петушиные кости? Можно было бы понять, если бы кости были бы все же золотыми...

Я простудился. Померил температуру – около 38-ми градусов. И Мари слегла в постель. Врач, прослушав своей трубкой ее легкие, установил крупозное воспаление легких, температура под сорок. Отправил ее в больницу. Там она в бреду все время повторяла:

– Александра, ты не уйдешь далеко от меня. Я догоню тебя! Я заставлю тебя раскрыть секрет! Мне нужен Хохлач! Без него меня не пустят в Афины!

В больнице через неделю Мари, не приходя в сознание, отправилась по пути престарелой Александры...

За какие грехи свалились на меня все эти беды? Две смерти за непродолжительное время! И все они из-за где-то невдалеке упрятанных петушиных останков?

Решил я выяснить, что же это такое «Хохлач», из за которого погибли две женщины?

Обратился в институтскую библиотеку. Но технари есть технари! Библиотекарши пожали плечами. Преподаватели тоже ничего не знали о кургане-петухе. Посоветовали мне встретиться с самым авторитетным в области истории из преподавателей нашего института бывшим дворянином Пальшау.

Михаил Владимирович Пальшау читал нам лекции. Интереснейший был старик!

Родился он в 1887 году. Его отец Владимир Николаевич был губернским архитектором. Мать Любовь Николаевна окончила Высшие Женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге и стала преподавателем французского и немецкого языков. Поэтому Михаил Владимирович овладел с подачи матери этими языками да плюс польским и украинским. Поступил в Петербургский университет на физико-математическое отделение. Будучи студентом, вступил в партию ЭСЕРов. Бастовал вместе с друзьями – студентами. В 1906 году его арестовали, заключили в тюрьму города Луцка Волынской губернии. Министерство внутренних дел Российской империи предоставило ему выбор: или высылку под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию, или выехать за границу с возвращением в Россию не ранее 20 ноября 1909 года.

Бывало же такое в царской России! Жил Михаил Владимирович то в Женеве (Швейцария), то Париже (Франция), то Льеже (Бельгия). В 1910 году вернулся в Россию. Расстался с партией ЭСЕРов. В 1914 году окончил Петербургский электротехнический императора Александра III институт. Так началась электротехническая жизнь Михаила Владимировича на благо России.

Во многих городах России и Советского Союза он трудился над обеспечением электро-снабжением наших заводов. Принимал активное участие в осуществлении Ленинского плана электрификации России (ГОЭРЛО). В 1921 был одним из организаторов Первого Всероссийского электротехнического съезда в Москве

С момента организации в НПИ кафедры электропривода, которую я закончил в 1959 году, ее заведующим стал М.В. Пальшау. Но только до 1938 года.

23 мая 1938 года был арестован, как бывший эсеровец и иностранный шпион и получил 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Освобожден был в январе 1944 года. Куда было деваться во время войны почти шестидесятилетнему бедному, больному бывшему эзку? Конечно, Михаил Владимирович вернулся из Новосибирской глубинки в Новочеркасск, на свою любимую кафедру. Но в НПИ его взяли всего лишь на должность ассистента с окладом в 400 руб-

лей. Что такое 400 рублей можно представить себе, узнав, что в 1944 году на рынке буханка хлеба стоила 100 рублей!

В 1959 году Михаил Владимирович был уже полностью реабилитированным, авторитетнейшим преподавателем. Во время учебы я и мои друзья обратили на него особое внимание. В нем было что-то дворянское. И осанка, и манера поведения.

Подошел я к семидесяти двухлетнему дворянину Пальшау, спросил о Хохлаче. Он отвел меня в сторонку, посмотрел в мои юные глаза и произнес:

– Молодой человек! Вы заинтересовались тем, о чем мне говорить не доставит удовольствия. Особенно после контакта в прошлом с НКВД. Где вы живете?

– В переулке Галины Петровой.

Обнял меня и прошептал на ухо:

– Так это же самое таинственное и проклятое место в Новочеркасске! Курган Хохлач располагался там же! О, сколько золота выгребли из него! Мешками! Так гласит легенда! О Чертомлыке знаете?

– Что-то рассказывала в школе учительница истории. На Украине в XIX веке археологи раскопали курган Чертомлык высотой в сорок метров. Нашли прекрасное скифское золото.

– Так Чертомлык и в подметки не годился нашему новочеркасско-сарматскому Хохлачу. Говорят, Хохлачом интересуется нынешнее КГБ. Кто в переулке начнет разрывать землю, того расстреливают!

Так вот, оказывается, в какой разворот событий я встрял! Две смерти, и виновата тому улица имени Героя Советского Союза Галины Петровой, бывшей новочеркасской студентки, погибшей в 1943 году во время высадки десанта в Крыму возле Керчи.

В Новочеркасском краеведческом музее ко мне отнеслись, как к свалившемуся с Луны.

– Зачем вам нужен Хохлач?

– Наш преподаватель рассказал мне, что из Хохлача вывозили машинами золото.

– Не машинами, а подводами. Машин тогда не было. Ведь случилось это в 1864 году.

– А одну подводу завернули налево? – вырвалось у меня.

– Зачем же так мало! Может быть, и сотню телег завернули. Да только от этих раскопок у нас в музее осталась лишь легенда. Найденные золотые древности показали императору Александру II. А тот велел хранить их в Эрмитаже, в золотой кладовой под строжайшем секретом! Мы сами их не видели, знаем только одно – в Эрмитаже они и находятся по сей день под замком. Поезжайте в Ленинград, может быть, удастся проникнуть в золотую кладовую?

Так вот почему ленинградский экскурсовод Серафима Ивановна Копошина навела тень на плетень! Вместо золота Хохлача рассказала о ни кому не нужной Великой Степи! Только намекнула: «Вы – технари, видите только то, что находится на поверхности, а надо посмотреть в земную глубь!».

Итак, круг замкнулся!

После получения диплома я вновь рванул в Ленинград. Но в Эрмитаже золота Хохлача так и не увидел. Оказывается, оно, действительно, хранилось в золотой кладовой за семью замками. Вход в нее по специальным пропускам с разрешения КГБ.

Книг о Хохлаче, фотографий с изображениями найденных в нем золотых сокровищ в Ленинграде не было. Не было ни в Ростове, ни в Новочеркасске, ни вообще в СССР – ничего! Какой-то заколдованный круг!

Проходили годы. Я стал, как было записано в моей наградной характеристике, высококвалифицированным ракетостроителем. Принимал участие в летно-конструкторских испытаниях совершенно секретных «частично орбитального бомбардировщика» и «истребителей спутников – ИС». Но загадка «Хохлача» не давала мне покоя.

Но все же мне удалось выяснить кое какие подробности о кургане Хохлач.

Потрясающей была в России вторая половина XIX века. Она ознаменовалась указом императора Александра II об отмене в России крепостного права и в связи с этим началом технической революции в промышленности и на транспорте, а также бурным ростом городов.

В это время, например, Ростова-на-Дону вырос почти в десять раз. Особенно заметными в Ростове были сдвиги в торгово-купеческой сфере. В Ростовском речном торговом порту отправлялась за рубеж значительная часть российской сельскохозяйственной продукции. В середине XIX века в Ростове были основаны табачные фабрики Я. С. Кушнарева и В. И. Асмолова. В 60-е годы они имели совокупный капитал, едва достигавший 6 тысяч рублей. А уже к 1895 году табачные фабрики Ростова вместе изготовили продукции на 5,8 миллионов рублей

Вывозили за границу через Ростов и уголь набравшего силу Донбасса.

В 1868 году жители Ростова и в двух километрах расположенного от него армянского города Нахичевани впервые услышали паровозный гудок – до нахичеванской пристани Аксай на берегу Дона была продлена железнодорожная линия, соединившая Грушевские каменно-угольные рудники (ныне город Шахты) и Новочеркасск с нахичеванской донской Аксайской пристанью. На этой пристани донецкий уголь перегружался из железнодорожных вагонов в заграничные баржи.

В 1869 году в Ростов пришла железная дорога со стороны Харькова через Таганрог, а в 1871 году – со стороны Воронежа (вобравшая в себя бывшую автономную дорогу из Грушевских рудников).

А в 1875 году, с пуском Ростово-Владикавказской железной дороги, открытием первого разводного железнодорожного моста через Дон и первого крупного вокзала Ростов превратился в один из крупнейших в стране железнодорожных узлов. Одновременно со строительством Ростово-Владикавказской железной дороги были построены ее Главные мастерские (нынешний Ростовский электровозоремонтный завод). На этом предприятии уже в конце XIX века был освоен не только ремонт, но и производство новых паровозов и вагонов. Однако и при условии развития железнодорожного транспорта река Дон не утратила своего значения крупной транспортной артерии.

Одновременно росло и население земли войска Донского.

Если в 1860 году в Ростове проживало 17574 человека, то в 1893-м – уже почти 100 тысяч. В Ростове проживало 2 500 иностранцев, тогда как в 60-е гг. их было лишь около 160 человек.

Все это поставило перед руководством города вопрос о реконструкции прежней городской территории и ее расширении. С превеликой энергией стали в то время разрушаться старые крепостные постройки, срываться земляные валы, ограничивавшие прежнюю территорию города, вместо деревянных церквей возводиться каменные. Были засыпаны овраги, разрезавшие город на части. Ростовчане радовались тому, что их город превращался почти во всемирный торговый центр.

Но такое превращение имело и отрицательные последствия. Если вы ныне окажетесь в Ростове-на-Дону, то не найдете в нем ни одной древней или средневековой достопримечательности! Ни каких следов пребывания на территории Ростова скифов или сарматов! Все было скрыто и выброшено в овраги. Теперь на их месте высятся двадцатипятиэтажки!

Росли и Санкт-Петербург, и Москва. Населения российских городов желало благоустроенности.

Если мы вернемся в начало XIX века, то обнаружим, что даже в Зимнем Дворце водопровода не было. Тогда для Зимнего водовозки наполняли водой мужики, черпавшие воду из Невы. Для исправления естественных надобностей у императоров и членов их семейств были приготовлены в их спальнях так называемые «вазы», то есть ночные горшки. Их содержимое выплескивалось по утрам фрейлинами в Неву.

В московский Кремль по указанию царя Ивана Грозного был проведен из дубовых труб водопровод из Мытищ. Царя Ивана возмутил рассказ его летописца о том, что впервые на Руси был построен водопровод в Великом Новгороде, на демократическом купеческом Ярославом дворе еще в XI или в XII веке.

Но у всех остальных новгородцев интимное дело исполнялось также, как и через несколько столетий в Зимнем Дворце. Или еще хуже, ведь можно было использовать для исправления естественных надобностей любой куст по примеру французов или англичан. С зарубежными купцами новгородские купцы контактировали очень часто на Ярославом дворе. Но и новгородцы не сидели у себя дома, плавали на своих судах со своим товаром в Европу и перенимали европейский опыт использования кустов во Франции или в Англии.

Даже в XVI веке проходить мимо дворцов французских королей было опасно потому, что можно было быть облитым нечистотами, выплеснутыми из окна королевской спальни. Этой наивной королевской привычке положил конец известный врачеватель и предсказатель прошлого Нострадамус. Когда в то время во Франции начала свирепствовать чума и трупы французов валялись на улицах французских городов, Нострадамус первым понял, что причина возникновения чумы – антисанитария! По его требованию король издал указ о запрете использования публичных мест для удовлетворения естественных надобностей. После этого чума пошла на спад.

В середине XIX века техническая революция выразилась в России не только в глобальном построении железных дорог, но и тесно связанного с ними построения водопроводов. А потом добралась техническая революция и до канализации

С технической революцией середины XIX века связана и была история с курганом Хохлач. О нем не стало бы известно в Санкт-Петербурге, если бы в 1864 году в Новочеркасск не пришла железная дорога из Грушевских угольных рудников. Для паровозов была нужна вода. В большом количестве! Паровозный котел это не домашняя кастрюля! Для нее можно было черпать воду и из колодца.

Поэтому руководство Грушевско-Новочеркасской «железки» и решило построить в Новочеркасске водопровод. Железнодорожные рабочие с рвением начали выполнять приказ начальства. Роя на окраине города траншеею для водопроводной трубы, они уткнулись в препятствие – небольшой курганчик. Не мудрствуя лукаво, решили устранить препятствие на своем водопроводном пути. Энергично начали орудовать лопатами (бульдозеров тогда не было). И ахнули!

Кто побежал докладывать о находке начальству, кто рассовывал золотые украшения по карманам. Был вызван профессор геологии Харьковского университета (других университетов поблизости не было и археологов тоже) Н. Борисяк. Тот засвидетельствовал огромную ценность сокровищ. Ее подтвердил будущий член-корреспондент Российской Императорской академии наук В.Г. Тизенгаузен. Были дотошно описаны все находки клада, за исключением тех, что "увели" прокладчики водопровода или не были раскопаны, так как по уверению некоторых петербургских археологов клад из Хохлача был изъят, но тщательные раскопки и Н. Борисяком, и В.Г. Тизенгаузенем в том кургане не проводились. И все потому, что промышленно-железнодорожная революция гнала россиян вперед! Не исключено, что в районе перелука Галины Петровой древнего золота, возможно, осталось еще и предостаточно.

Итак, по приказу императора Александра II сокровища Хохлача под названием «Новочеркасский клад» были упрятаны в Золотой кладовой Эрмитажа.

2. Кража умопомрачительного «Золотого открытия»

В России предшествовали «Новочеркасскому кладу» события, явившиеся родоначальниками дальнейших умопомрачительных «золотых открытий» (ИНТЕРНЕТ – САЙТ «100 великих сокровищ и реликвий»).

В 1830 году в Крыму, в Керчи решили построить для моряков казармы, Крупные известняковые камни разной величины стали выкапывать из располагавшегося на окраине города древнего холма, называемого Куль-Оба. Он упирался в знаменитую Митридатову гору. Название кургана в переводе с тюркского означало «гора пепла».

Начавшееся выкапывание камней для строительных работ у кургана Куль-Оба заинтересовало французского археолога Поля Дюбрюкса. В то время он занимался в Керчи исследованиями по истории Пантикапея – столицы Боспорского царства. Поль и ранее предполагал, что «гора пепла» – название скорее всего символическое. Наверняка, оно связано с каким-то тайным преданием. Его разгадку следовало бы поискать в самом кургане.

Дюбрюкс также знал, что во времена скифов подобные курганы создавались над могилами погребенных скифских вождей. Около них совершались моления и разные шаманские действия. По традиции каждый путник, подъезжавший к сакральному кургану, должен был положить на него камень. И с годами погребальный курган вырастал на несколько метров в высоту. Позднее в своих воспоминаниях он написал:

«Рассматривая вид холма, возвышавшегося над самой вершиной горы, я убедился, что тут должна быть гробница. Занимаясь свыше 14 лет раскапыванием курганов в окрестностях Керчи, я был уверен в том, что не ошибся».

О своих соображениях Дюбрюкс рассказал представителям морского командования, которые занимались строительными работами, и губернатору И. А. Стемповскому. Его рассказ был достаточно убедительным, и работы стали вести в том направлении, которое указал Дюбрюкс.

Вскоре строители казарм откопали узкий проход в склеп из тесаного камня и замурованную дверь в него. Об этой двери сообщили Стемповскому, тот отдал приказ продолжить археологические изыскания и лично прибыл к кургану Куль-Оба.

За вскрытой дверью в склеп Дюбрюкс обнаружил погребение. В нем были трое усопших – двое мужчин и одна женщина. Рядом лежали кости лошади.

У восточной стенки склепа на роскошном деревянном ложе покоился сам знатный скиф или, возможно, царь. Его возраст – 30–40 лет. Все сопровождавшие его погребальные вещи были скифского происхождения. На голову погребенного был надет традиционный скифский головной убор – остроконечная войлочная шапка-башлык с нашитыми на нее золотыми бляшками. Драгоценная диадема дополняла убор. На шее погребенного находилась золотая витая гривна, весом 461 грамм, с маленькими фигурками конных скифов на концах. На его руках были золотые браслеты.

Все кругом было уставлено золотыми и серебряными сосудами и женскими украшениями. Среди украшений особенно выделялись две пары золотых подвесок тончайшей работы. На одной из них была изображена голова Афины в шлеме, прототипом которой является статуя работы Фидия в Парфеноне. Другая пара серег так называемого «роскошного стиля» имела мельчайшие изображения четырех nereid верхом на дельфинах, которые по просьбе Фетиды приносят Ахиллу оружие, выкованное для него Гефестом, – щит, шлем, поножи и панцирь.

На шее погребенной была золотая гривна с концами в виде львов и ожерелье с амфоровидными подвесками. На руках – широкие золотые браслеты. За головой лежали шесть ножей и бронзовое зеркало с ручкой, отделанной золотом.

В ногах женщины находилась шаровидная ваза из сплава золота и серебра (называемого археологами электровым) с изображением эпизодов из скифского эпоса. На ней мастер изобразил двух скифов, которые, опершись на копья, беседуют. В следующей сцене изображен скиф, натягивающий лук. Третья картина изображает скифа, лечащего зуб своему товарищу, а на четвертой скиф бинтует ногу больному собрату.

Рассмотрев сокровища, Дюбрюкс пришел к выводу, что погребение было совершено скифами в IV веке до нашей эры.

К сожалению, решив дальнейшие раскопки провести на следующий день, охрану не оставили. И об этом горько пожалели. На следующий день Дюбрюкс и его команда обнаружили, что в склепе побывали местные грабители. Они не только вынесли самые ценные предметы, но и многое испортили. Поднятая по тревоге полиция тотчас начала поиски, но найти грабителей не удалось. Подозрения пали на строителей. Но доказать их причастность к ограблению кургана не удалось.

Как это удивительно совпадает с тем, что произошло спустя тридцать лет в Новочеркасске, когда часть сокровищ кургана Хохлач прикарманили строители водопровода.

Только через год, в 1830 году неизвестный грабитель курганов объявился сам. Он оказался, конечно, из тех строителей, кто возводили казармы для моряков. Его фамилия была Бавро Дмитрий. Был греком по национальности. Что его заставило признаться в том, что был главным организатором грабежа кургана Куль-Оба? Наверное, не поделил награбленные сокровища со своими собратями – разбойниками!

Дюбрюксу удалось получить от него некоторые золотые предметы. Они затем после подробных описаний были переданы в Эрмитаж.

Бавро рассказал археологу также о всех найденных кубках, блюдах, сервизах, разных украшениях. На основе его описаний был составлен прибывшей из Санкт-Петербурга археологической комиссией подробный отчет об имевшихся в кургане предметах. Впоследствии некоторые из украденных вещей удалось выкупить у Бавро и его собутыльников петербургской археологической комиссией. Однако пришлось ей заплатить немалую по тем временам сумму в 1200 рублей.

Все, что оказалось в руках археологической комиссии, было отправлено на хранение в Эрмитаж. Но это лишь малая часть из всего того богатства, которое находилось в могильнике.

3. Скифские золотые племена

Через тридцать лет практически одновременно с обнаружением сокровищ в Новочеркаске разыгралась «золотая лихорадка» в другой части Великой Степи.

Скифские степные племена кочевали с VII века до нашей эры на обширных пространствах между Алтаем на востоке и Дунаем на западе. Предполагается, что основное ядро скифов вышло из Средней Азии и Сибири и смешалось с населением Северного Причерноморья. Греки называли эти племена скифами, сами же они называли себя скелотами. В создаваемых курганах-погребениях, которые достигали высоты 20 м, они хоронили своих предводителей, царей, знать и складывали туда наиболее ценные вещи.

Скифские воинственные племена, не знавшие письменности, легко захватывали чужие территории, вели успешные боевые действия и сумели прогнать даже многотысячное войско непобедимого персидского царя Дария I. Они передвигались на лошадях, в повозках, в основном по южным степным областям Причерноморья. После смерти своего царя или представителей высшей знати скифы умерщвляли их ближайших родственников, жен, наложниц, слуг, а также коней.

Уверовав в загробную жизнь, скифы в зависимости от положения царя, его богатства, владений и авторитета среди соплеменников клали в его могилу золотые и серебряные украшения, посуду, «давали с собой для загробной жизни» амфоры, наполненные вином. И в конце концов насыпали высокие «царственные курганы». Умерших воинов погребали вместе с оружием, мечами, луками и стрелами. Простым людям в могилу-холмик складывали простую домашнюю утварь.

У скифов в особом почете было золото. Этот металл олицетворялся у них с сияющим солнцем, огнем, отсюда его почитание, вера, что обилие золота – это величие власти. Отправляя в загробный мир кого-то из знати, его одежду также старались покрыть драгоценным металлом.

На всей территории, протянувшейся на тысячи километров, по которой кочевали скифы, остались десятки тысяч курганов. И почти в каждом из них было множество золотых изделий. Некоторые курганы начинали грабить сразу после ухода племен. Иногда это были те же скифы, только из других стойбищ. Появились целые шайки разбойников, которые специализировались на вскрытии курганов. Лишь немногие курганы сохранились не тронутыми до времен средневековья. Но и позднее, вплоть до нашего времени пронырливые люди, так называемые «черные археологи», раскапывали скифские курганы, искали золото. И нередко находили.

Один из таких курганов находился в 20 километрах от Никополя, вблизи днепровских порогов, на речке Чертомлык. С подачи археологов этот курган называли Чертомлыцким.

Когда и по какой причине появилось название «Чертомлык»? Долго я не мог найти сведения о нем. Археологи не озадачивались этой проблемой. Им бы разобраться в золоте и амфорах, извлеченных ими из земных глубин. Наконец-то, кто-то подсказал мне обратиться к «Союзу геральдистов России».

В 2006 году в него вступили два днепропетровских любителя истории О. Потап и Л. Хохлович. Они-то и предоставили мне интересовавшие меня сведения.

Оказалось, что существуют несколько версия возникновения названия «Чертомлык».

В Днепропетровской области возле города Никополя есть речка Чертомлык, железнодорожная станция с таким же названием и расположенным возле нее городом Чертомлык. Но это еще не все.

Если покопаться в истории, то обязательно наткнешься на старую казацкую Сечь, кош которой находился с 1652 по 1709 год на берегу этой речки Чертомлык. От этой речки Сечь и получила свое название – Чертомлыцкая.

У запорожцев долгое время бытовала легенда о кошевом атамане Иване Сирко. По ней на этой речке он и жил в коше. Однажды Сирко увидел на поверхности реки вынырнувшего из ее вод страшного черта, давно державшего в страхе всю округу. Храбрый запорожец не растерялся. Выхватив пистоль, выстрелил из него, "нечистого". И «нечистый» навсегда исчез в омуте. То есть «млыкнул» по казацки. В память об этом событии речка и получила, по преданию, свое название. А вслед за ней и город, и железнодорожная станция, и скифский курган.

Иван Сирко – легендарная личность. Под его началом запорожцы одержали многочисленные победы. Восемь раз он избирался кошевым атаманом Старой (Чертомлыцкой) Сечи. Умер Сирко в 1680 году, похоронен неподалеку от Чертомлыка на территории села Капуловки.

И во времена кошевого атамана Сирко в XVII столетии, и позже казаки рассказывала друг другу о том, что в находящемся рядом со Старой (Чертомлыцкой) Сечью кургане схоронены сокровища. Говорили, будто бы в нем на глубине трех саженей лежит «золота сорок мешков» и будто бы этот клад охраняет икона Богородицы, украшенная золотом и драгоценными камнями. Богобоязненные казаки не подходили к кургану. Но находились и те, для кого икона Богородицы не была препятствием для поиска в кургане сокровищ. Но как их найти, если курган был высотой почти в 20 метров, а окружность его была около 350 метров.

Летом 1781 года возле Чертомлыцкого кургана проезжала экспедиция Российской академии наук. Целью ее было описание новых земель, присоединенных к России. Возглавлял ее будущий академик Василий Федорович Зуев. Это была незаурядная личность.

Василий Федорович Зуев родился в 1752 году. Он происходил из крестьян Тверской губернии. Отец его был солдатом Семеновского полка. Этот полк находился в Петербурге. Жены солдат-гвардейцев имели право проживать при мужьях в особой слободе, а дети пользовались некоторыми льготами. Вследствие этого Зуев в возрасте 12 лет был принят в гимназию, которая тогда существовала при Академии наук.

Академическая гимназия того времени, по нашим сегодняшним понятиям, не отличалась высокими педагогическими достоинствами: учеников держали в «черном теле» и жестоко наказывали. В преподавании процветала зубрежка. Уроки в младших классах велись на немецком, а в старших – на латинском языках.

Зуев оказался очень способным учеником и вынес из этой гимназии знание языков, что ему весьма пригодилось впоследствии. Он окончил гимназию в возрасте 16 лет и сразу же был зачислен в состав возглавляемой академиком П. С. Палласом экспедиции, которая направлялась в Восточную Сибирь. Эта экспедиция продолжалась шесть лет (1768–1774), освоила огромный маршрут и оказалась для молодого Зуева незаменимой школой.

Петр Симон Паллас, выдающийся натуралист XVIII века, которого по справедливости ставят на один уровень с Линнеем и Бюффеном, был универсальным ученым. Он занимался зоологией, ботаникой, географией и геологией, а также исследованиями этнографического и экономического характера. Экспедиция изучала животный и растительный мир огромных районов, а кроме того, знакомилась с нравами, обычаями и промыслами живущего там населения. Все это перенял молодой Зуев.

Само собою понятно, что участие в таком путешествии, да еще под руководством знаменитого ученого было для Зуева своего рода практическим университетом. На третий год путешествия, когда экспедиция была в Западной Сибири, Зуев был уже настолько подготовлен к самостоятельным исследованиям, что Паллас послал его одного, в сопровождении нескольких казаков из Челябинска через Тобольск и Березов в Обдорск (теперь Салехард), который был тогда крошечным поселком на нижней Оби. Из Обдорска Зуев должен был проехать на оленях на берега Ледовитого океана, в район Карской губы.

Целый год продолжалась эта самостоятельная экспедиция Зуева (1771–1772), причем он выполнил свою задачу блестяще, несмотря на то, что ему было только 19 лет. Зуев был первым исследователем, который пересек Северный Урал, со стороны Сибири. Он привез из

своего путешествия коллекцию редких птиц, коллекцию морских животных и даже живого белого медвежонка. Белый медвежонок позволил Палласу составить научное описание этого полярного зверя. Его описание стало первым в мире научным трактатом о животном мире Арктики.

Вернувшись из экспедиции Палласа в 1774 г., Зуев получил от Академии наук заграничную командировку на пятилетний срок для «усовершенствования в науках». Таким образом, к его опыту полевого натуралиста-путешественника прибавилось знакомство с западной университетской наукой.

Вернувшись осенью 1779 года в Петербург, Зуев представил в Академию наук диссертацию на латинском языке

В 70-х годах XVIII в., после войны с Турцией, Россия получила обширные области в районе Черного моря. В 1779 г. близ устья Днепра начал строиться новый город и порт Херсон. Он должен был стать основой для растущей российской черноморской торговли.

Экономические и политические интересы России требовали научного изучения нового края. Перед Академией наук была поставлена императором особая задача – организовать исследовательские экспедиции на юге России. Одна из таких экспедиций была направлена в 1781 году в Херсон, а затем – на Крымский полуостров, который тогда еще не был присоединен к России.

20 мая 1781 г. небольшой экспедиционный отряд под руководством В.Ф. Зуева двинулся из Петербурга на юг России.

Вот так Василий Федорович Зуев оказался вблизи днепровских порогов. Невдалеке был и Чертомлыцкий курган. В.Ф. Зуев был потрясен размерами этого кургана. В своем дневнике он записал:

«Выехав из поселка Чертомлык, через верст пять увидели мы превеликий круглый курган, какого я ни прежде, ни после не видывал. Его называют здесь казаки Толстою могилою. Вокруг, видно, он также был окладен известковым камнем, потому что сколь много по степи подъезжая к нему его валялось больше того, чем на сей художественной горе его было. Взошед на оный довольно круто, посреди самого верха представляется ямина, которая, однако, не от чего иного есть, как что земля осела, и в той ямине стоит каменный болван большого росту».

Такие надгробные памятники в форме грубо высеченной из камня человеческой фигуры получили у археологов название «каменных баб».

Стоявший на вершине кургана каменный «болван» был овеян легендами. Существовало поверье, что «болван» обладает чудодейственной силой, исцеляя от лихорадок. Когда его однажды свезли с Чертомлыцкого кургана, якобы началась засуха, а когда его снова водрузили на место, засуха прекратилась.

4. Императорская археологическая комиссия ищет золото

После того, как в 1830 году в Крыму, в Керчи в кургане Куль-Оба был раскопан золотой клад, в царском дворе поняли, что исследование скифских курганов «золотое дело». На археологические исследования стали отпускать средства.

В 1859 году была образована императорская Археологическая комиссия. В ее ведение был передан поиск курганов, их раскопки, поиск в раскопках древностей, «преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом Россией, собиране сведений о памятниках старины и ученая оценка открываемых древностей».

Одним из первых крупных мероприятий Археологической комиссии была организация раскопок Чертомлыцкого кургана.

В 1862 году Комиссия обратилась к владелице кургана – вдове генерал-майора Зейфарта с той же просьбой, что ранее была адресована ее мужу. От нее хотели получить разрешение на проведение раскопок этой древней могилы.

Помещица – владелица кургана, как и ее умерший муж, поставила довольно таки суровое условие. Археологическая комиссия должна была предоставить ей треть находок, добытых в кургане. Кроме того, она просила Комиссию организовать свои работы так, чтобы они «не могли отрывать крестьян... от полезных занятий в летнюю рабочую пору».

Археологическая комиссия с этими условиями согласилась, пообещав отдать каждую третью одинаковую вещь, а за предметы, найденные в одном экземпляре, уплатить треть стоимости драгоценного металла. Кроме того, было обещано отдать госпоже Зейфарт все вещи, «не имеющие археологического интереса». А такими вещами в то время считалось все, что недостойно было украсить императорский Эрмитаж. Главной целью археологов продолжала оставаться погоня за драгоценностями и золотом.

Как ни крути, ни верти, но в императорском окружении больше думали о престиже Эрмитажа, обеспечивавшемся золотом, чем о научных исследованиях.

26 мая 1862 г. раскопки кургана начались. Руководство ими Археологическая комиссия поручила своему «младшему члену» Ивану Егоровичу Забелину, будущему основателю московского Государственного Исторического музея.

Забелин Иван Егорович родился 17 сентября 1820 в Твери, умер 31 декабря 1908 в Москве. Прожил долгую творческую жизнь.

За достижения в области исследований в области российской истории и археологии он был избран в 1884 году членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В 1907 году Петербургская Академия наук избрала его своим почетным членом.

В 1862 году Забелин принялся за раскопки. Но завершить раскопки в том году ему не удалось. Курган оказался настолько объемным, что для раскопок не хватило рабочих рук и денежных средств.

Императорская комиссия предоставила необходимые средства на следующий год. В июне 1863 года работы на кургане были возобновлены. На этот раз было нанято 116 землекопов с подводами. Раскопки пошли быстрыми темпами.

Вскоре дошли до могильной ямы. Она была огромной. Глубина ее достигала почти 12 метров.

Легко представить, каких трудов стоило извлечь с такой глубины сотни кубометров грунта.

Наконец-то, дно могилы было очищено. Могила оказалась совершенно пустой. Она была ограблена начисто. Был обнаружен грабительский лаз, по которому грабители проникли к погребу нию. И возможно, даже вскоре после похорон. Можно было бы даже определенно

утверждать, что это были люди, знавшие, зачем они идут и куда им направить свой подкоп. Возможно, это были даже участники похорон и сооружения кургана. Они определенно знали, что игра стоит свеч.

Судьба, однако, помешала им совершить задуманное. Во время ограбления кургана произошел обвал земли в грабительском лазе. И один из злоумышленников был задавлен. Его скелет нашли археологи. Этот обвал помешал грабителям вынести все вещи из могилы – часть их была погребена обвалом вместе с неудачливым похитителем.

Возле погибшего Забелин обнаружил ведро с золотыми вещицами.

В нише покоились останки царя, его жены и умерщвленной челяди.

В грабительском лазе археологи нашли множество золотых бляшек – украшений для одежды, мечи с обложенными золотыми листьями рукоятями. Была там и золотая обложка с чеканными изображениями битвы греков со скифами.

Как было засвидетельствовано в отчете Н.И. Забелина и впоследствии в многочисленных научных и научно-популярных изданиях XIX и XX веков, самой значительной и богатой находкой в грабительском ходе была замечательная золотая пластина для лука и стрел. Она была украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе показаны были сцены борьбы животных – львицы и быка, вепря и льва; здесь же можно увидеть, как пантера терзает дикого козла, а на другой картине пантера и лев разрывают на части оленя. Два широких средних фриза были целиком заполнены различными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев, легендарного Ахилла, сына морской богини Фетиды и царя мирмидонян Пелея.

Погребальное сооружение Чертомлыцкого кургана представляло собой сложное подземное сооружение: от каждого из углов центральной могильной ямы отходили большие боковые подземелья – ниши. Они оказались не тронутыми расхитителями. По-видимому, к моменту ограбления входы в них были уже закрыты прежними земляными завалами. Можно было предположить и то, что неожиданный обвал в присутствии грабителей не дал довести их преступный замысел до конца.

В трех нишах также были захоронения, и в каждой множество золотых и серебряных украшений. Особенно богатым было одно из погребений, где были похоронены женщина и мужчина. Забелин предположил, что это были наложница царя и его виночерпий.

Тело наложницы – царицы было украшено золотой гривной, браслетами, серьгами. На каждом пальце – по золотому перстню. Она была одета в роскошный праздничный наряд.

Но самой выдающейся находкой, как впоследствии определил Забелин, была найденная в этой нише большая серебряная с позолотой ваза. В нашу современную историю она вошла под названием чертомлыцкой амфоры.

Эта ваза, как и куль-обская серебряно-золотая, была украшена картинами из скифской жизни. Отличие состояло в том, что на куль-обской был изображен военный быт скифов, а на чертомлыцкой – картины мирной жизни скифов.

Фотография этой находки И.Е. Забелина обошла весь мир под названием «Чертомлыцкая амфора». В мои школьные годы наша учительница истории показывала ее нам. Настолько увлекательно рассказывала Софья Артемовна нам о древнем скифском народе, что многие из нашего класса пронесли увлечение скифами через всю жизнь.

Удивлялись мы – школьники и тому, что кочевой образ жизни не помешал скифским племенам овладеть ювелирным искусством. Ныне я все больше прихожу к выводу, что у скифов были, конечно, хорошие учителя. Наверное, ими были греки? Как же не обойтись без греческих учителей, если основное занятие у скифов было – «путешествие» по Великой Степи!

Но я не мог даже себе представить, что Новочеркасск заставит меня еще раз соприкоснуться с древними хозяевами Великой Степи! И это соприкосновение заставит меня взяться за перо и рассказать миру о том, что наследство древних возбуждало и возбуждает до сих пор

среди их наследников и стремление узнать побольше о предках, и алчное желание завладеть скифским золотым прошлым.

5. Из-за винзавода пришлось найти золото

После окончания Новочеркасского политеха я получил направление на Урал. Возвращаясь перед Новым годом из командировки, я развернул в поезде двенадцатый номер журнала «Наука и жизнь» за 1964 год и ахнул! В нем был напечатан под заголовком «Сарматское золото» потрясающий материал ленинградской журналистки О. Колесовой. Первые его строчки заставили вспомнить студенческие годы и гостью из Греции:

«Сто лет назад, в июне 1864 года, на одной из главных улиц Новочеркаска происходили не совсем обычные раскопки: рабочие спешно сносили курган, называемый местными жителями Хохлач. Здесь решено было устроить запасный резервуар для Новочеркасского водопровода. И вот в насыпи земляного холма они неожиданно наткнулись на золотые и серебряные вещи... Исследователи южнорусских степей задают себе один и тот же вопрос: неужели золотой курган на Дону был единственный? Может быть, они просто были разграблены дочиста? Разгадка истории Новочеркасского клада пришла лишь через сто лет... Снова все заговорили о сарматах, таинственном и воинственном народе... Все, кто проезжал по трассе Москва–Ростов, любовались бесконечной цепью холмов под Новочеркасском. Вот уже восемь лет каждое лето сюда приезжает объединенная экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Ростовского областного музея краеведения и Ростовского университета. Руководит группой старший научный сотрудник кандидат исторических наук Серафима Ивановна Капошина...»

Позвонил я в Ленинград в Институт археологии. Капошину пригласили к телефону.

– Серафима Ивановна, каждый раз, когда я слышу или читаю волшебное слово «Эрмитаж», то вспоминаю, как вы рассказывали в Эрмитаже нам, новочеркасским студентам, о скифских древностях. Как же вам удалось в Новочеркасске раскопать второй золотой курган? Ведь говорят, что в одно место метеорит никогда не прилетает! И второй вопрос: драгоценности из Хохлача были скифскими или сарматскими?

– Метеорит может быть и не прилетает дважды, но судьба подарила мне курган, находившийся рядом с раскопанным сто лет назад. И оба оказались плодотворными.

На второй вопрос отвечаю следующим образом.

Кто такие скифы и кто такие сарматы? Скифы жили в Великой Степи приблизительно с VII века до новой эры по I век новой эры. Сарматы их сменили. У них было много общего. И те, и другие любили золото, сравнивали его с Солнцем! Верили в загробную жизнь. Поэтому хоронили покойников с предметами, которые могли бы обеспечить усопшим в загробной жизни приличное существование. Как помнит читатель, в 1864 году в Новочеркаске в кургане Хохлач был раскопан золотой клад. И вот теперь в журнале «Наука и Жизнь» напечатан мой рассказ еще об одном потрясающем новочеркасском кладе, который раскопала я!

– Серафима Ивановна, кто вам подсказал провести раскопки рядом с Хохлачем?

– Моя интуиция. Я ведь опытный археолог.

– Вы были руководителем экспедиции. Кого вы можете отметить из ваших подчиненных?

– Они все были трудолюбивыми, даже можно сказать трудоголиками. Экспедиция состояла из отрядов. Их руководителями были Т.А. Владимирова, Т.Д. Белановская, Л.С. Клейн и другие.

– Поздравляю вас, Серафима Ивановна с выдающимся успехом в области археологии!

– Спасибо. Буду и дальше трудиться, чтобы раскрыть тайны сарматов.

Так что же и где в Новочеркаске раскопала С.И. Капошина? Обратимся вновь к журналу «Наука и жизнь» № 12 за 1964 год:

«...Особенно сенсационными оказались раскопки лета 1962 года. Терпение и кропотливый труд ленинградцев и ростовчан были вознаграждены сполна. Как обычно бывает в этих

случаях, открытие было закономерным и одновременно неожиданным. На территории Всероссийского института виноградарства и виноделия стояли два ничем не примечательных кургана. Дирекция института предложила участникам экспедиции раскопать их, чтобы впоследствии разровнять здесь землю. Один из курганов принадлежал племенам далекой эпохи бронзы, но зато второй, называвшийся Садовым, таил в себе сокровища. Первые слои земли снял, как всегда, бульдозер. И вдруг ослепительно блеснуло золото. Только не торопитесь! Бульдозер остановлен, роют лопатами, потом счищают землю тонкой кисточкой... Но благородный металл не боится времени. И вот в руках археологов серебряные чаши, большой сосуд для вина, золотые украшения боевого коня... И все это находилось в насыпи кургана. Под насыпью оказалась одна могильная яма, начисто ограбленная. Никаких остатков костей (как и в Хохлаче). Зато в грабительском ходе было собрано свыше 200 мелких золотых бляшек с маленькими дырочками. На некоторых сохранились золотые нити-проволочки. Само погребение не сохранилось. Зато есть все признаки богатой тризны: предметы раскладывались вокруг могилы – в спешке грабители не увидели их. Вот закоптелый большой котел, в котором варили мясо. Бок его пробит. Случайно? Вряд ли. По обычаю древних, вещи тоже должны лишиться «души», «умереть», чтобы перейти к владельцу в загробном мире. Вот остатки дерева и камыша на краях могильной ямы. Все так же, как и в кургане Хохлач. Да и сами вещи были очень похожи на Новочеркасский клад...».

... То, что не смогла Серафима Ивановна рассказать мне по телефону, она поведала читателям журнала «Наука и жизнь»:

«Уникальны прежде были всего украшения конской узды. Всего в насыпи было четырнадцать фаларов (умбон – украшение конской узды), два больших и двенадцать поменьше. Видимо, узда была снята с двух лошадей. Основой фаларов служили массивные серебряные диски, которые были обтянуты золотыми тисненными пластинами с изображением хищных зверей. В центре больших фаларов помещена пантера, терзаемая грифоном, а вокруг расположены пятнадцать стилизованных пантер, по краю – двадцать птичьих голов. Глаза, уши, плечи, бедра и лапы животных подчеркнуты цветными камнями и бирюзой. Блестят гранатовые глаза. Еще в поле, во время раскопок, как только были обнаружены эти фалары, вспомнились находки из Хохлача. Тот же сарматский стиль, те же художественные приемы. Те же пантеры, что и на флаконе из Хохлача. Один фалар был рассечен в древности. Возможно, что враг ударил копьем или кинжалом в грудь боевого коня...

... На медальонах трех чаш красуются nereиды, плавающие на морских конях с рыбьими хвостами – гиппокампах. Греческие художники и скульпторы очень часто обращались к этим поэтическим образам. Нереиды – символ тихого, не бурлящего моря, символ играющих волн. Вот nereиды везут оружие Ахиллу. Отдал свои доспехи Ахилл любимому другу Патроклу, но погиб Патрокл под Троей, и нет у Ахилла ни друга, ни доспехов. Узнала об этом мать Ахилла, Фетида, дочь морского царя Нерея, и упросила бога Гефеста выковать Ахиллу новые чудесные доспехи. На одном из наших медальонов nereида везет Ахиллу щит и меч, на другом – панцирь и шлем. Затеяливо извиваются хвосты морских животных. Изящно обнаженное женское тело, картина жива, фигуры привлекают легкостью, красотой линий. На одной из чаш изображена игривая, совсем жанровая картинка. Проказник Силен, веселый спутник Диониса, забрался на дерево и мешает сборщику винограда рвать виноград, висящий крупными гроздьями по сухим ветвям. Силен схватил корзинку и нахлобучил ее на голову работнику...»

Во время раскопок этот медальон с особым интересом рассматривали сотрудники Всесоюзного Научно-Исследовательского Института Виноградарства и Виноделия, на территории которого и находился золотой курган. Курган им мешал построить опытный винзавод. Срыв курган, археологи освободили для него место.

Виноградари и виноделы спрашивали археологов:

– Что обозначает эта находка? Не является ли она доказательством того, что здесь издревле выращивался виноград?

Знаток древностей С.И. Копошина отвечала, что археологической науке хорошо известно, что в античную пору в Боспорском царстве, как и во всем Причерноморье, произрастал и культивировался виноград. Но находка серебряной чаши с медальоном, на котором изображен сбор винограда, не связана с виноделием на Нижнем Дону. Виноград в северной части Придонья появился только в наше время. Эта чаша, как и все остальные серебряные чаши, как и серебряный лутерий и некоторые другие находки в Садовом кургане, привезены издалека. Конечно, из стран Средиземноморья.

– Каково же происхождение серебряных чаш с медальонами? Когда был похоронен знатный сармат? – спрашивали Серафиму Ивановну новочеркасские виноградары.

– Сходство изделий местных мастерских (золотые фалары и золотой флакон) с вещами из Хохлача позволяет отнести Садовый курган к тому же или очень близкому времени, что и захоронение в вашем новочеркасском кургане Хохлач. Кстати Хохлач находится километрах в трех отсюда, ближе к центру города. Находки на тризне, например, литой сарматский котел, сближают тот курган во времени с курганами, раскопанными в Богаевском районе Ростовской области. Вся эта группа погребений, видимо, относится к одной эпохе, приблизительно к концу первого века до нашей эры. Но восемь серебряных чаш и серебряный лутерий, по всей вероятности, древнее самого кургана; это изделия античной торевтики.

Сохранилось очень интересное описание многих памятников греческого искусства у римского писателя Плиния Старшего. Он писал и о том, что обычно мастера – торевты создавали парные серебряные сосуды, развертывая тот или иной мифологический сюжет на двух изделиях. Среди восьми серебряных чаш, найденных в 1962 году в кургане Садовый, выделяются три пары чаш и две одиночные. Плиний говорит, что римляне высоко ценили изделия греческих торевтов, а потому, как правило, с них снимали копии, очень берегли их.

Для определения времени и места производства этих серебряных чаш можно не только сравнивать эти чудесные изделия с памятниками позднего эллинизма, искать им аналогии, но и полезно вспомнить речи знаменитого Цицерона. В семидесятом году до нашей эры в Риме проходил судебный процесс над римским наместником Верресом, управлявшим Сицилией и беспощадно грабившим ее.

Цицерон в своих речах обвинял Верреса в произволе и притеснениях граждан Сицилии.

Оказывается, Веррес особенно охотился за серебряными медальонами, украшавшими чаши или кубки.

Вот как говорил об этих привычках богатого римлянина Цицерон:

«Едва наместник видел блюдо с превосходным медальоном, он тотчас уносил с гостеприимной трапезы это драгоценное достояние пенатов и богов. Он вынимал медальоны, а остальное серебро бескорыстно возвращал обратно.

Однажды он обедал у знатного Евполема. Тот поставил на стол только чистое серебро, чтобы его не обчистили самого. Только два маленьких кубка были с медальонами.

Пропретор тут же, на виду у гостей, позаботился снять медальоны с этих двух маленьких кубков, точно забавник и скоморох, считающий своим правом требовать себе подачку со стола».

Из этого отрывка блестящей речи Цицерона можно видеть, что медальоны были съёмными, раз они легко вынимались. Восемь чаш из Садового пролежали в земле две тысячи лет. Поэтому, когда их нашли, медальоны отпали от дна.

Но в лабораториях Ленинградского отделения Института археологии было определено, что на доньшках чаш и на краях медальонов имелись следы припая из сплава свинца с оловом. Следовательно, в то время, когда на тризне из этих чаш пили вино, медальоны были припаяны

к доньшкам, хотя и не очень прочно. Не всегда, решили ленинградские археологи, потому что у части кубков доньшко под медальоном было позолочено.

Виноградари из Новочеркасского института не унимались:

– Зачем же в вино класть медальоны?

– Наверное, чтобы пьющий поперхнулся?

– Как же попали эти роскошные вещи к сарматам, кочевавшим по Нижнему Дону?

Серафима Ивановна постаралась ответить и на этот вопрос:

– Трудно объяснить это традиционной причиной – у сарматов были широкие торговые связи с римлянами. Боспорский царь Митридат со столицей в Керчи очень долгое время воевал с Римом. Ему помогали сарматы. Они ходили походами и в Малую Азию, и в Понт, и в Закавказье. Эти походы сопровождались разбоем и грабежом. Так что сарматы могли извлечь эти драгоценные вещи из ограбленных ими регионов.

Иногда сарматы даже не знали точного употребления вещей, захваченных ими. В кургане был найден большой серебряный сосуд для омовения – лутерий. Он очень тяжелый и вряд ли был изготовлен для повседневного быта. Но лутерий попал к варварам, не знавшим, что делать с этим греческим сосудом. На сарматской тризне из лутерия разливали вино, а греки мыли в нем руки.

Закончила свою статью ленинградская журналистка О. Колесова следующими словами:

«Драгоценности были переданы на хранение в Ростовский музей краеведения.

Богата древними сокровищами донская земля. Все новыми находками радуется она археологическую науку, открываются все новые и новые этапы истории юга нашей страны. Еще долгое время ученые будут изучать изделия, найденные в Садовом кургане».

После беседы с С.И. Копотиной мною были опубликованы материалы о новом успехе искателей древностей в донском крае в ростовской областной газете «Молот».

Прошли годы. За то время появились многочисленные исторические публикации о достижениях наших археологов. Но малая толика из них была посвящена курганам Хохлач и Садовый. В основном, в прессе и книгах восхвалялась лишь Чертомлыкская ваза.

6. Трудно быть зловредным Клейном

Недавно будучи в Санкт-Петербурге, я обнаружил в одном из книжных магазинов книгу под необычным для меня названием «Трудно быть Клейном». Вспомнил я о телефонном интервью многолетней давности с С.И. Капошиной. Неужели в книге рассказывается о ее сотруднике Льве Клейне?

Взял я в руки эту книгу, удивился. Действительно, это тот же самый бывший подчиненный Серафимы Ивановны Клейн. Оказалось, что в этой книге, вышедшей в Санкт-Петербургском издательстве «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» в 2010 году, он рассказал о своей жизни.

Начал читать и оторваться не смог. Воспоминания бывшего почти коллеги С.И. Капошиной достойны того, чтобы о них узнали мои читатели. Тем более, что Клейн раскрыл труд археологов совершенно с непредсказуемой стороны.

Ныне Лев Самуилович Клейн – интереснейший советский и российский учёный, археолог, культур-антрополог, филолог, историк науки. Теперь он профессор, доктор исторических наук, один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Лев Самуилович Клейн родился 1 июля 1927 года в Витебске, в интеллигентной еврейской семье, атеистической и сильно русифицированной: дома обиходным языком за два поколения до Льва был русский. Спустя многие годы, в одном из интервью этот известный ныне археолог признался:

«Я не особенно чувствую себя евреем. Своё еврейство я ощущаю только, когда наталкиваюсь на барьеры со стороны властей. В семье у нас не разговаривали ни на идише, ни на иврите, и у нас не было иудейской религии».

В 1941 году оба родителя Льва Клейна были призваны в армию в качестве врачей. Их дети – старший сын Лев и младший сын Борис – вместе с дедом и бабушкой были эвакуированы из Витебска в Йошкар-Олу (с 1930 года Марийская автономная область, с декабря 1936 года – Марийская АССР, с 22 октября 1990 года – Марийская ССР, с 9 декабря 1992 года – Республика Марий Эл). Там школьник Лев поначалу работал в колхозе, затем окончил восьмой и девятый классы средней школы и в 16-летнем возрасте ушёл на фронт вольнонаёмным.

В 1944 году на 3-м Белорусском фронте служил в военно-строительной части и прошёл с нею от Смоленска до Каунаса. После сильной контузии Клейн лечился в госпитале.

После войны поселился в Гродно. Там после демобилизации жили его родители – врачи. В Гродно Лев Клейн сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Поступил в Гродненский педагогический институт на факультет языка и литературы. В то время у студента Льва Клейна не сложились отношения с руководством института и секретарем горкома партии. Пришлось уехать в Ленинград.

В Ленинградском государственном университете стал единственным студентом в России, обучавшимся одновременно на двух дневных очных отделениях факультетов – филологическом и историческом. Окончил студент Клейн только исторический факультет.

В ленинградские студенческие годы Клейн выступал с опровержением господствующего в то время «нового учения о языке» академика Марра. Во время обучения в аспирантуре был против антинорманизма, господствовавшего во взглядах советских археологов в вопросах происхождения Киевской Руси.

Не понравилось юному Льву Клейну учение академика Марра из-за того, что Николай Яковлевич Марр проповедовал идею о языке, как о «надстройке» над социально-экономическими отношениями в обществе (рабовладельческими, феодальными, капиталистическими, социалистическими, коммунистическими). Молодой Клейн был против того, что язык формируется под влиянием социально – экономических отношений, то есть капиталист и рабочий говорят на разных языках. Поэтому стал отстаивать традиционную индоевропеистику.

Одним словом, молодой Клейн был весьма неудобным человеком для карьеристов. Как можно было спорить с давно уже ушедшим из жизни (Н.Я. Марр умер в 1934 году) академиком двух академий – императорской и советской – и обласканным Сталиным?

В июне – июле 1930 года состоялся XVI съезде ВКП(б). на нем выступил И.В. Сталин. В своей речи он использовал идею Марра о языке. Сразу после Сталина слово было предоставлено Марру. Николай Яковлевич поблагодарил вождя за прекрасную оценку его новой языковой теории. Сталин и раньше (с 1913 г.) писал о языковой политике, в том числе в годы, когда был наркомом по делам национальностей, в 1919 году.

Одним словом, в конце сороковых годов, когда учение Сталина и Марра о языке было в СССР уже общепризнанным, явился новый бунтарь в лице Льва Клейна. Бунтарем он и оставался в течение всей своей жизни.

Не тогда ли в ходе «борьбы с космополитизмом» в 1948–1949 годах. началась очередная проработочная кампания марристов, направленная на отказ от «буржуазной» науки и ортодоксального следования теориям Марра. И Л.С. Клейн приложил к ней руку?

По другим источникам (книга «Сталин. Двор красного монарха» английского публициста Саймона Себаг-Монтефиоре, Москва, издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2006 год), Сталин в 1949 г. получил письмо от грузинского лингвиста Арнольда Чикобава с критикой теории Марра. Иосиф Виссарионович в апреле 1950 г. вызвал Чикобаву на обед, который продолжался с 9 вечера до 7 утра. Во время трапезы Иосиф Виссарионович старательно делал заметки. Таким образом, он уяснил основные аргументы против марризма, что положило конец его идеологическому господству в советской лингвистике. Позиция Сталина в данной области была выражена в работе «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованной в газете «Правда» во время дискуссии о языкознании в июне-августе 1950 года. Лингвистика, благодаря вмешательству Сталина, освободилась от диктата марризма, 20 лет назад утвердившегося при участии все того же Иосифа Виссарионовича.

Должно было пройти еще время, чтобы в языкознании разгорелся новый спор о компетентности Сталина в вопросах языкознания, чтобы утвердился новый подход к языку. И на этот раз не обошлось без Клейна!

И все же основным увлечением у Льва Самуиловича была археология.

Два десятилетия Лев Самуилович преподавал на кафедре археологии Ленинградского университета. Разрабатывал основы собственной теории археологии. Это тоже мало кому нравилось.

В 1981 году КГБ завёл уголовное дело против непокорного Льва Клейна. Ему приписали, чтобы вы думали? Шпионаж или взяточничество? Нет! Гомосексуализм! И он был осуждён!

После освобождения в 1982 году Клейн был лишён учёной степени и звания, его долго не принимали на работу. Лишь в годы перестройки он смог устроиться в один из зарубежных учебных заведений. После распада СССР стал профессором Санкт-Петербургского государственного университета. До 1997 года преподавал в Европейском университете. После выхода на пенсию в 70-летнем возрасте Клейн продолжил преподавание за рубежом.

Позвольте предоставить слово автору книги «ТРУДНО БЫТЬ КЛЕЙНОМ». Вы понимаете теперь весь смысл названия этой книги?

«– Начальник! Начальник! Скорее!»

Крик – необычное дело на раскопках. К тому же кричал старейший рабочий, обычно отменно вежливый, никогда не позволявший себе обращаться к начальству без имени и отчества. Кричали и другие.

Оборвав запись на полуслове и подхватив с колен полевой дневник, я бросился к центру раскопа. Там, в самом верху курганной насыпи, застывши кружком, студенты с лопатами в руках неотрывно глядели вниз на что-то находившееся в середине, боясь пошевелиться.

Золото! Много золота! Цветные камни! Всё горело на солнце ослепительно ярко в черной развороченной земле. Кто мог ожидать, что золото окажется под самой вершиной кургана Садовый? Бульдозер срезал дно огромного таза, которым были прикрыты сокровища сарматского царя: 8 серебряных с позолотой чаш для вина тончайшей греко-римской работы с накладными медальонами, 14 массивных круглых блях, в золото которых были утоплены гроздь цветных камней – бирюзы, гранатов – это украшения сбруи царского коня; мелкие золотые вещицы.

Серебряный таз слегка позеленел от времени, но серебро чаш, защищенное тазом и, разумеется, золото сверкали такой чистотой, как будто были положены в курган две минуты, а не две тысячи лет тому назад...».

Но вернемся в 1951 год. В руках у Льва после окончания Ленинградского университета диплом с отличием. Пытался Лев с 1951 по 1954 год поступить в аспирантуру. Но ни в Ленинградском университете, ни в Московском Институте археологии, ни в Минском университете места в аспирантуре для него не нашлось.

Пришлось Льву Клейну поработать в одной из археологических экспедиций, а затем школьным учителем в российской глубинке. Параллельно готовился к тому, чтобы стать аспирантом. В 1955 году была опубликована его первая научная работа.

Только в 1957 году Лев Самуйлович поступил в аспирантуру Ленинградского университета по археологии. Ее он окончил в 1960 году. Затем читал лекции на той же кафедре без оплаты и без официального оформления курса в бумагах, а в 1962 году был принят в штат кафедры в качестве ассистента. В 1968 году Клейн защитил кандидатскую диссертацию «Происхождение Донецкой катакомбной культуры». С 1976 года – доцент.

Будучи аспирантом, он был уже умудренным жизненным опытом человеком. На раскопках возглавлял университетские студенческие отряды. Там же Лев и познакомился с начальником археологических экспедиций – особой женщиной и урожденным командиром. В университете Льва предупреждали, чтобы не вступал с ней в пререкания, потому что почти весь Институт археологии пляшет под ее дудку. Ведь она – коммунистка до мозга костей, каждому может вправить мозги.

Это была Серафима Ивановна Капошина.

Будучи уже на раскопках, Лев удивлялся, как она вечером могла читать собственные стихи студентам у костра, а днем усмирять шоферюг матюками. Лев поражался, как эта пожилая болезненно полная женщина, будто Хрущев в юбке, могла мотаться на грузовиках по степям в зной, и грозу. Так она ведь сама была грозой! В институте она была энтузиастом всяческих чисток и проработок!

В начале того 1962 года в Ленинграде археологи готовились к летней экспедиции на юге, в Донской земле.

Кто мог из жителей СССР предполагать тогда, что 1962 год будет годом тяжелейших испытаний?

Серафима Ивановна предложила Клейну участвовать в ее экспедиции для продолжения раскопок на Кобяковском городище на окраине Ростова-на-Дону. Лев, как было положено Льву, напрягся для схватки и сразу же ее предложение отверг. Но она, Капошина, не была бы командиром и коммунисткой Капошиной, если бы не достигла бы своей цели. В присутствии директора Ленинградского отделения Института археологии (тогда это был Б. Б. Пиотровский) долго уговаривала Льва, сулила интересную работу и право на обработку и публикацию материалов.

– Лев, все, что раскопаете, будет ваше, – обещала она, имея в виду, конечно, авторское право, а не собственность.

Директор Б.Б. Пиотровской подтвердил, что так оно и будет. Наконец-то, Клейн согласился, оговорив для своего отряда отдельный участок на большом расстоянии от остальной экспедиции, чтобы лишний раз не соприкоснуться с Капошиной.

Серафима Ивановна сдержала свое слово. Определила отряду Клейна участок почти в тридцати километрах от Кобяково городища на окраине Новочеркаска. Посчитала, что участок малоперспективный, так как недалеко находился сто лет назад разрытый водопроводчиками золотой курган Хохлач, так что ее присутствие на раскопах Клейна не обязательно.

7. Восстание в Новочеркасске

К началу лета экспедиция была готова к выезду на юг. Погрузились в поезд. Но доехать до Новочеркаска не смогли. Поезд был остановлен надолго на предыдущей станции.

В столице донского казачества началось восстание!

Об этом восстании в то время мало кто знал. Только в конце перестройки посыпались о нем публикации в прессе. Я во время восстания работал на Урале. В начале лета из Ростова ко мне приехала мама и кое что рассказала о нем. В начале осени я уже был в Ростове. Наведался в Новочеркасск. Там под большим секретом мне выложили правду мои друзья по студенческим годам в Новочеркасском политехническом институте. Но основное, конечно, стало известно поле распада СССР.

К началу 1960-х годов в СССР сложилась непростая экономическая ситуация. В результате стратегических просчетов руководства страны начались перебои со снабжением. Весной и в начале лета 1962 года недостаток хлеба был настолько ощутим, что Н. С. Хрущев впервые решился на закупку зерна за границей.

30 мая 1962 года было решено повысить розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30 % и на масло – на 25 %. Одновременно с этим дирекция Новочеркасского электровозостроительного завода (в его сборочном цехе в студенческие годы я проходил практику и поэтому знал о нем не по на слыху) почти на треть увеличила норму выработки для рабочих. В результате заработная плата и, соответственно, покупательная способность рабочих и служащих завода существенно снизились.

На заводе в кузово-сборочном цехе ещё весной 1962 года рабочие три дня не приступали к работе, требуя улучшить условия труда, а в обмоточно-изоляционном цехе из-за низкого уровня техники безопасности отравились 200 человек.

1 июня в 10 часов утра 200 рабочих сталелитейного цеха прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. В 11 часов они направились к заводоуправлению. По пути к ним присоединились рабочие других цехов. В результате около заводоуправления собралось до 1000 человек.

Люди требовали от начальства ответа на вопрос:

– На что нам жить дальше?

Вскоре появился директор завода Б. Н. Курочкин. Заметив невдалеке торговку пирожками, он оборвал одного из выступающих и заявил:

– Вместо пирожков с мясом, будете жрать с ливером!

Эта фраза вызвала негодование у рабочих. Директора начали освистывать и выкрикивать в его адрес оскорбления. Курочкин скрылся, однако именно его фраза послужила поводом для последующих событий. Вскоре забастовка охватила весь завод.

Возле заводоуправления людей становилось всё больше. Услышав тревожный заводской гудок, начали приходить люди из близлежащих районов и других предприятий. К полудню количество бастующих собралось более 5000 человек. Они перекрыли железнодорожную магистраль, связывающую Юг с центром России. Остановили пассажирский поезд «Ростов-на-Дону – Саратов». На остановленном локомотиве кто-то написал: «Хрущева на мясо!».

Ближе к вечеру коммунистам и некоторым рабочим удалось уговорить пропустить поезд, но машинист побоялся ехать через толпу и состав вернулся на предыдущую станцию. Там же и остановились другие поезда.

Н. С. Хрущеву незамедлительно было доложено о забастовке в Новочеркасске. Он тут же связался с первым секретарем Ростовского обкома А. В. Басовым, министром обороны Р.Я. Малиновским, руководителями МВД и КГБ, приказав всеми возможными мерами подавить сопротивление. В Новочеркасск была направлена группа членов Президиума ЦК КПСС

в составе Ф. Р. Козлова, А. И. Микояна, А. П. Кириленко, Л. Ф. Ильичева и Д. С. Полянского. Прибыл также секретарь ЦК КПСС, бывший председатель КГБ СССР А. И. Шелепин. Маршал Р. Я. Малиновский, в свою очередь, отдал приказ при необходимости задействовать 18-ю танковую дивизию Северо-Кавказского военного округа.

Можно было подумать, что будто началось не восстание на Новочеркасском электрово-зостроительном заводе, а на страну напал враг и его надо было уничтожить!

1 июня весь день, вечер и ночь на заводе шел митинг восставших.

К 16:00 следующего дня на заводе собралось уже все областное начальство. Прибыл первый секретарь Ростовского обкома А. В. Басов, председатель облисполкома, председатель совнархоза, другие ответственные работники области, города и всё руководство завода. Позднее вечером рабочие сорвали со здания заводоуправления портрет Хрущева и подожгли его. После чего часть наиболее радикально настроенных рабочих начала штурмовать заводоуправление, попутно устраивая там погром и избивая пытавшихся мешать им представителей администрации завода

В 16:30 на балкон были вынесены громкоговорители. К народу вышли первый секретарь ростовского обкома А.В. Басов, председатель ростовского облисполкома И. И. Заметин, первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС Т. Логинов и директор завода Б. Н. Курочкин. Перед народом выступил А.В. Басов. Он начал просто пересказывать официальное Обращение ЦК КПСС вместо того, чтобы пообщаться с народом. Его начали освистывать и перебивать оскорбительными криками. А пытавшегося взять после него слово директора Курочкина забросали камнями, металлическими деталями и бутылкам. После чего продолжили штурмовать заводоуправление. Ни милиция, ни КГБ не вмешивались в события, ограничиваясь наблюдением и скрытой съемкой активных участников. Басов закрылся в одном из кабинетов и стал созваниваться с военными, требуя ввода частей.

В течение вечера и ночи митинг продолжался. На разведку несколько раз посылались отдельные небольшие группы военнослужащих, но всех их встречали агрессивно и изгоняли с завода. Военные в столкновения не вступали.

Когда к вечеру стало ясно, что власти не собираются применять никаких мер, было принято решение на следующий день пойти к горкому КПСС в центр города.

В ночь с первого на второе июня в город вошли танки и солдаты. Танки вошли в заводской двор и стали вытеснять еще остающихся там рабочих, не применяя оружие. Среди собравшихся распространился слух, что несколько человек были задавлены гусеницами, и толпа стала бить тяжелыми предметами по броне, пытаясь вывести из строя танки. В результате ранения получили несколько солдат. Но двор был очищен от митингующих.

Ввод в город танков был воспринят народом крайне негативно, и ночью стали распространяться листовки, резко осуждающие нынешние власти и Хрущева лично.

Утром Хрущеву была доложено о том, что примерно к трем часам ночи после введения воинских частей толпу, насчитывающую к тому времени около четырех тысяч человек, удалось вытеснить с территории завода и постепенно она рассеялась. Завод был взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час, 22 зачинщика были задержаны.

За ночь все важные объекты города (почта, телеграф, радиоузел, Горисполком и Горком партии, отдел милиции, КГБ и Государственный банк) были взяты под охрану, а из Госбанка были вывезены все деньги и ценности.

Вам не напоминает все это Октябрьскую революцию 1917 года?

Далее события развивались почти по сценарию 9 (22) января 1905 года в Санкт-Петербурге, названного также «Кровавым воскресеньем». Тогда было расстреляно мирное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу, целью которого было вручить царю Николаю II коллективную Петицию о рабочих нуждах.

Появление на заводах солдат в больших количествах крайне возмутило многих рабочих города. Они отказались работать «под дулом автоматов». Утром многочисленные толпы рабочих собирались во дворах заводов, заставляя иногда силой прекращать работу всех остальных своих товарищей. Опять было заблокировано движение поездов и остановлен состав. Через некоторое время с завода им. Буденного к центру города двинулась толпа, вначале состоящая из рабочих, но по ходу следования к ней стали присоединяться случайные люди, в том числе и женщины с детьми.

Из особой папки ЦК КПСС:

«Совершенно секретно. «... Движение по железной дороге 2 июня было прекращено. Под влиянием подстрекателей и провокаторов толпа, достав красные знамена и портрет Ленина, в сопровождении детей и женщин направилась в город» (публикация В. Андриянова «Пирожки с пулями» в газете «Трибуна» 20 июля 2007 года, Москва).

Военные попытались не допустить толпу к центру города, перегордив мост через реку Тузлов несколькими танками, БТРами и машинами, но большая часть людей просто перешла реку вброд, а самые решительные перелезали через технику, пользуясь тем, что военные не препятствовали им в этом.

Танками на мосту через Тузлов командовал участник сражения в 1943 году на Курской дуге под Прохоровкой и парада Победы Герой Советского Союза генерал Матвей Шапошников.

Получив приказ не пропускать толпу в центр города и применить, в случае необходимости, танки, он ответил: «Я не вижу перед собой противника, которого следовало бы атаковать танками». Отказался воевать с безоружными.

Благодаря генералу Шапошникову на мосту не пролилась кровь

В случае использования бронетехники, по словам Шапошникова, количество жертв исчислялось бы тысячами.

В 1966 году его отправили на пенсию, а еще через год исключили из партии за «антисоветские разговоры».

О поступке офицера рассказал в 1989 году журналист «Литературной газеты» Юрий Щекочихин. К счастью, Матвей Шапошников дожил до времени, когда его оправдали и ему воздали должное.

Толпа вышла на центральную улицу Московскую, в конце которой располагались здания горкома партии и горисполкома. На этой же улице находились помещения отдела милиции, аппарата уполномоченного УКГБ, Госбанка. Приближение демонстрации сильно напугало находившихся в горкоме КПСС членов Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлова и А. И. Микояна, а также Кириленко, Полянского, Шелепина, Степакова, Снастина и Ивашутина. Узнав, что танки не остановили колонну на мосту, московские «водители» поспешили удалиться. Все они перебрались в Первый военный городок, где располагался временный штаб правительства. Произошло это в тот момент, когда демонстранты были в ста метрах от горкома (В. А. Козлов, «Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг.», Москва, издательство «ОЛМА-ПРЕСС, 2006 год).

Председатель горисполкома Замула и другие руководители предприняли попытку с балкона через микрофон обратиться к подошедшим с призывом прекратить дальнейшее движение и возвратиться на свои рабочие места. Но на них полетели палки, камни. Одновременно из толпы раздавались угрозы. Часть протестующих ворвалась внутрь здания и разбила стекла окон, двери, повредила мебель, телефонную проводку, сбросила на пол люстры, портреты руководителей государства.

К зданию горисполкома прибыл начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко с 50 вооруженными автоматами военнослужащими внутренних войск. Они стали оттеснять людей от здания, прошли вдоль его фасада и выстроились лицом к ним в две

шеренги. Олешко с балкона обратился к собравшимся с призывом прекратить погромы и разойтись. Но толпа не реагировала, раздавались различные выкрики, угрозы расправы.

После этого военнослужащими из автоматов был произведен предупредительный залп вверх, отчего шумевшие и напивавшиеся на солдат люди отхлынули назад. Из толпы раздались выкрики: «Не бойтесь, стреляют холостыми», после чего люди вновь ринулись к зданию горкома и к выставленным вдоль него солдатам. Последовал повторный залп вверх и затем был открыт огонь по толпе. Человек 10–15 остались лежать на площади (из информации Генерального прокурора СССР Н. Трубина о событиях в Новочеркасске). На сайте города Новочеркасска было сообщение и том, что стреляли пулеметчики или снайперы с крыши здания горкома.

После выстрелов и первых убитых толпа в панике побежала прочь.

В газете «Ведомости» 8 июня 2007 года был опубликован материал Павла Аптекаря «Что случилось в Новочеркасске? Генерал, который не стрелял». В нем было рассказано о том, что по воспоминаниям очевидцев первые пулеметные очереди поверх толпы попали в деревья, а на них сидели дети – они забирались туда, чтобы лучше видеть. Участник событий Николай Степанов вспоминал:

«Две девочки, и еще кто-то лежал, кто – не знаю. Я говорю – глянь, что это такое? Детей постреляли!»

Началась паника. После выстрелов посыпались, как груши, любопытные мальчишки, забравшиеся на деревья в скверике. Сидя на дереве среди ветвей, наблюдал за происходившим и двенадцатилетний Саша Лебедь (будущий генерал и кандидат в президенты России Александр Лебедь). Жил он на соседней улице Свердлова, которая теперь названа его именем, всего в квартале от горкома. Естественно, не мог не прибежать и не поглядеть. Он сам об этом потом рассказывал, когда приезжал в город во время персональной президентской кампании. О том, как после первых выстрелов кубарем скатился вниз, как каким-то чудом перемахнул через высоченный забор. Видел, вроде бы, и убитых малышей. Очевидцы вспоминают про рассыпанную обувь и белые детские панамки. Они валялись по всей кроваво-грязной площади. Однако в опубликованных списках жертв мальчишки не значились.

Одновременно у горотделов милиции и КГБ также собралась агрессивно настроенная толпа, которая оттеснила охранявших здания военнослужащих 505-го полка внутренних войск и предприняла попытку ворваться в отдел милиции через выбитые окна и двери с целью освободить задержанных. Одному из нападавших удалось вырвать из рук рядового Репкина автомат, и из захваченного оружия он пытался открыть огонь по военнослужащим. Опередив его, военнослужащий Азизов произвел несколько выстрелов и убил его. При этом были убиты еще четыре лица из числа нападавших, другие нападавшие получили ранения. Более 30 нападавших были задержаны.

Несмотря на расстрел, выступления в городе продолжались. Отдельные митингующие бросали камни в проезжавших солдат, пытались заблокировать движения по улицам. Не было внятной информации о случившемся, по городу ползли самые жуткие слухи о людях, расстрелянных из пулеметов чуть ли не сотнями, о танках, давящих толпу. Некоторые призывали убивать уже не только руководителей, но и всех коммунистов и «всех очкастых».

В городе объявили комендантский час и стали транслировать записанное на магнитофон обращение Микояна. Оно не успокоило жителей, а вызвало только раздражение. 3 июня многие продолжали бастовать, а перед зданием горкома опять начали собираться люди, численностью до 500 человек. Они требовали отпустить задержанных в результате уже начавшихся арестов. Около 12:00 власти начали активную агитацию с помощью лояльных рабочих, дружинников и партактива, как в толпе, так и на заводах. После чего по радио выступил Ф. Р. Козлов. Он возложил всю вину за произошедшее на «хулиганствующих элементов», «застрельщиков погромов», и представил ситуацию так, что стрельба у горкома началась из-за просьбы 9 представителей митингующих о наведении порядка в городе. Также он пообещал некоторые уступки

в торговле и нормировании труда. В результате принятых мер, а также начавшихся арестов (в ночь с 3 на 4 июня было задержано 240 человек), ситуация постепенно стала нормализовываться (В. А. Козлов, «Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг.», Москва, издательство «ОЛМА-ПРЕСС, 2006 год).

В больницы города с огнестрельными ранениями обратилось 45 человек, хотя пострадавших было гораздо больше (по официальным данным – 87 человек): возможно, люди не хотели говорить о том, где были получены ранения, боясь преследования.

Погибло 24 человека, еще два человека убиты вечером 2 июня при невыясненных обстоятельствах (по официальным данным). Все тела погибших поздно ночью вывезли из города и похоронили в чужих могилах, на разных кладбищах Ростовской области. Спустя 30 лет, в 1992 году, когда документы были рассекречены и сняты расписки, которые давали свидетели событий, останки 20 погибших нашли на кладбище Новошахтинска, все останки были идентифицированы и захоронены в Новочеркасске (газета «Вести». «45 лет Новочеркасской трагедии», 2007 год).

Позднее в Новочеркасске прошел суд над «зачинщиками беспорядков». Они были выявлены благодаря агентам, которые специально делали фотографии возмущившейся толпы. Тех, кто на этих снимках шел в первых рядах и вел себя наиболее активно, вызывали в суд. Им были предъявлены обвинения в бандитизме, массовых беспорядках и попытке свержения Советской власти, почти все участники признавали себя виновными.

Семеро из «зачинщиков» (Александр Зайцев, Андрей Коркач, Михаил Кузнецов, Борис Мокроусов, Сергей Сотников, Владимир Черепанов, Владимир Шуваев) были приговорены к смертной казни и расстреляны, остальные 105 получили сроки заключения от 10 до 15 лет с отбыванием в колонии строгого режима.

Информация о новочеркасских событиях в СССР была засекречена. Первые публикации появились в открытой печати только в конце 1980-х в годы перестройки.

Реабилитация всех осужденных произошла в 1996 году, после указа Президента РФ Б.Н. Ельцина от 08.06.1996 г. № 858 «О дополнительных мерах по реабилитации лиц, репрессированных в связи с участием в событиях в г. Новочеркасске в июне 1962 г.»

Главная военная прокуратура Российской Федерации в 1992 году возбудила по факту новочеркасского расстрела уголовное дело против Хрущева, Козлова, Микояна и еще восьми человек. Оно было прекращено в связи со смертью фигурантов (Артем Кречетников. «Бойня в Новочеркасске: «Но был один, который не стрелял», «Русская служба Би-би-си», 31 мая 2012 года).

8. Борьба за сарматское золото

Вот такая хреновая обстановка сложилась в Новочеркасске в то время, когда летом 1962 года археологический отряд под руководством Л.С. Клейна приступил к раскопкам Садового кургана на территории новочеркасского Всесоюзного Научно-исследовательского Института Виноградарства и Виноделия.

Директор института Яков Иванович Потапенко решил, что два кургана, находившиеся на территории института, не дают возможности для развития виноградарства. Надо было бы их ликвидировать и на их месте построить опытный винзавод. Но как человек науки, он решил связаться с ленинградскими археологами и посоветоваться с ними – не пойдет ли задуманный им снос курганов для строительства опытного винзавода во вред древней истории человечества? Директор Ленинградского отделения Института истории Б.Б. Пиотровский тут же приказал С.И. Капошиной организовать в составе своей экспедиции отряд для раскопок на территории Новочеркасского Всесоюзного Научно-исследовательского института виноградарства и виноделия.

По приезду в июне 1962 года в Новочеркасск Л.С. Клейна, руководители города предупредили его, чтобы члены его отряда как можно меньше контактировали с жителями города и что его отряд и ход раскопок будет контролироваться милицией.

С основным составом экспедиции С.И. Капошина обосновалась на окраине Ростова-на-Дону. Провожая отряд Л.С. Клейна в Новочеркасск, Серафима Ивановна заявила:

– Лев, предупреждаю: не потерплю антисоветчину! Твое дело – раскопка! Если найдете в курганах такое же золото, как сто лет назад было обнаружено в Хохлаче, тогда подарю вам машину в обмен на сокровища.

Клейн отметил про себя:

«Машины у тебя и самой-то нет, так что этот не совсем бескорыстный дар мне не грозит».

Работать было трудно! Давила тяжесть новочеркасского расстрела. Как ни скрывало руководство страны произошедшее накануне в городе, но некоторая информация о нем все же проникла в отряд. Хотелось скорее уехать.

Срок экспедиции уже истекал, когда в раскопе засверкали золото и бирюза. Сокровища оказались исключительно ценными. Пока отрядный фотограф делал снимки, засуетилась милиция. И сразу прибыли чекисты.

Клейн дал телеграмму Начальнице.

Помощник Льва студент Марк Щукин (ныне известный ученый, доктор наук) произнес:

– Серафима Ивановна будет довольна! Обрадуется! Машиной не машиной, но чем-то уж точно наградит.

Лев невесело улыбнулся:

– Насколько я успел ее узнать, этого ждать не приходится. Она примчится меня увольнять.

– Как это?

– Ведь она всю жизнь мечтала о подобном открытии, а досталось оно не ей. Ее при открытии не было.

– Так ведь мы все в ее экспедиции. Документ на право раскопок у нее.

– Да, но открытие числится не за тем, у кого документ, а за тем, кто реально руководил раскопками. Она это понимает, и в этом моя беда.

Не веря опасениям Клейна, помощник все же спросил:

– А вам нужно это золото?

– К чему? Не моя тема.

– Значит, если потребует, отдадите ей и уедете. Чего же вам беспокоиться?

Клейн пояснил:

– Рад бы, но нельзя. Ведь мое увольнение ей надо будет как-то мотивировать, а с ее нравом... После моего отъезда что ей стоит создать искусственные основания? Пару раз копнул не там – уже грубое нарушение, дисквалификация. Потом не отмоешься. Нет, надо доводить дело до конца.

Пусть меня простит Лев Самуилович из-за того, что я несколько переделал его разговор с Марком Шукиным. Но далее пойдет текст без переделки, ибо далее он является свидетельством морали поступков советских людей.

«Назавтра приехала Начальница – туча-тучей. Остановившимся взглядом вперилась в золото, потом отозвала меня в сторону и сказала: «Вот что. Мы с вами несработались. Я не могу доверить вам дальнейшее руководство. Забирайте с собой своего помощника и немедленно уезжайте, передав мне всю документацию». Я сказал, что это исключается. За день до открытия – куда ни шло, а днем после открытия – нет. Поскольку я в штате, то увольнение – только через дирекцию в Ленинграде, а я, пока суд да дело, закончу работы. «Ах так, тогда с сегодняшнего дня, – объявила она, – я перестаю платить деньги вашим рабочим». Я созвал рабочих и сказал, что экспедиция не в состоянии долее оплачивать их работу, но кто согласен работать бесплатно, могут остаться в качестве моих личных друзей.

Все захотели остаться и разошлись по рабочим местам.

«Тогда, – выложила она последнюю карту, – я заявляю в КГБ, что вы вели антисоветские разговоры, возмущались расстрелом демонстрации».

Я был несколько озадачен таким поворотом и сказал:

«А я-то раньше не верил слухам о вас, что доносы строчили».

«Напрасно не верили, – отвечает, – в свое время я многих посадила. Фигуры были не вам чета!»

И стала перечислять, загибая пухлые пальцы. Ни дать, ни взять – ласковая бабушка из детской потешки «*Ладушки*»: кашку варила, деток кормила; этому дала, этому дала, а этому (мизинцу) не дала.

«А с вами и подавно справлюсь», – свирепо закончила она, и на меня глянули волчьи глаза.

«Что ж, – говорю, – сейчас не 30-е годы и даже не 50-е. По одному доносу не сажают. Разговор окончен».

И прошу милиционеров (они знали только меня) удалить посторонних.

Тут Начальница базарным голосом начинает кричать, что вот-де, уже незаконно сделаны цветные снимки сокровищ! Что снимки эти представляют государственную ценность! Что они могут ускользнуть на Запад, так как здесь есть люди, связанные с Западом! Что она требует выдачи фотоснимков ей (это она, чтобы лишить меня возможности что-нибудь опубликовать).

Услышав такие речи, незаметный человек предьявляет удостоверение, просит меня сдать ему все пленки, а фотографу говорит:

– Прошу следовать за мной! – и мы остались без пленок и без фотографа.

Откровенно говоря, я думал, что возможность доноса – пустая угроза, что отнятием пленок дело ограничится. Но скоро выяснилось иное. Как мне позже рассказал сотрудник экспедиции, которого она, запугав до смерти, взяла с собой как свидетеля, она отправилась с ним к самому большому в Новочеркасске начальнику КГБ. После событий в городе это начальство в нем переменялось. Вот этому новому начальнику она стала, пылая праведным гневом, повествовать о моих антисоветских высказываниях:

– Я, как коммунист и патриот, не могла стерпеть...

Начальник слушал спокойно, а потом тихо так сказал:

– Вы думаете, мы не в курсе того, что за спор возник в экспедиции, и не понимаем, чем вызвано ваше заявление? Хотите нашими руками расправиться с неугодным сотрудником? Мы иначе представляли себе облик ленинградского ученого. Уходите.

Тотчас освободил фотографа, а через несколько дней вызвал меня, и, извинившись, вернул пленки. К этому офицеру я проникся уважением: он был явно не из 37-го года.

Пленки я сразу же сдал Начальнице. Она напоминала шину, из которой выпустили воздух. Предложила мне заключить письменное соглашение о разделе авторских права, но я и не собирался лишать ее добытых материалов.

Обжаловав ее неправомерные действия, я сделал небольшую публикацию об открытии (без иллюстраций), после чего отступился от всего на много лет.

А Начальница еще долго, показывая на своих докладах сокровища или их фото, патетически восклицала: «Вот этими самыми руками я доставала их из земли!» Ради возможности произнести эту эффектную фразу она готова была упрятать меня в лагерь».

9. Кража сарматского золота в Ростовском музее

Но история с золотом из Садового кургана на этом не закончилась. Ленинградцы считали, что его место в Эрмитаже. Министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева распорядилась по-иному. Хранителем садовых сокровищ был определен Ростовский-на-Дону областной музей краеведения, несмотря на то, что ростовчане не имели достаточного оборудования и средств для надлежащей охраны таких сокровищ.

Через 9 лет часть сокровищ из Садового кургана из Ростовского областного музея краеведения была украдена.

Случилось это в ночь с 1-го на 2-ое июля 1971 года. Были подняты на ноги прокуратура, милиция, ведь кража по стоимости была на несколько миллионов долларов!

Наши славные сыщики сразу же придумали несколько версий ограбления.

Одна из них – ограбление заказное, орудовала целая банда. Она попытается переправить сокровища за рубеж, потому что в стране реализовать их немислимо! Были перекрыты аэропорт, железнодорожный вокзал, речной порт, автовокзал. Милиционеры вглядывались в лица пассажиров. Перетряхивали их чемоданы... Кое-кто даже высказался за подключение «Интерпола»...

Вторая версия – это дело рук ленинградских археологов!

Была и третья версия. Но о ней позже. Вернемся ко второй.

Вот когда настал черед торжества бывшей Начальницы! По ее мнению, наступило самое время убедить всех, что у Клейна была не экспедиция, а банда и что золото уже уплыло, но куда? Конечно, в их карманы! И далее на Запад по каналам международного империализма и сионизма.

Из воспоминаний Льва Самуиловича Клейна (книга «Трудно быть Клейном») – начальника археологической экспедиции в 1971 году на Дону:

«Экспедиция под руководством моих начальников отрядов была уже в поле, а я еще заканчивал дела в Ленинграде. Мой помощник переписывался телеграммами с ребятами, уже ставившими палатки в степи, когда за мной приехали в Университет и увезли на машине в Большой дом.

Я ломал голову, что в поле произошло, все ли живы и какие финансовые нарушения ребята могли совершить за это время. Прощаясь наскоро с помощником, я сказал, чтобы он летел немедленно в экспедицию и предупредил ребят, что случились какие-то неприятности, чтобы были начеку и ликвидировали все заготовленные фиктивные ведомости, если они есть (о том, почему их приходилось составлять, расскажу дальше). На всякий случай чтобы взял билет и на меня, но в другой конец самолета, чтобы не засекли, что мы вместе.

В Большом доме меня несколько томительных часов выдерживали в ожидании, затем пригласили на «беседу» и стали спрашивать о странных вещах:

– Что вы называете «кастрюлями»?

– Как что? Ну, такие сосуды, в которых варят (показываю руками).

– Больше ничего?

– Нет.

– А «сметками»?

– Чем пыль сметают. Мы их используем для расчистки находок на месте обнаружения.

Оказывается, как я потом догадался, в переписке моего помощника с ребятами из экспедиции шла речь об этих предметах, а угрозыск принял это за шифровки о золоте и серебре. Была еще и такая телеграмма с поля:

«Доложи шефу задание выполнено можно выезжать».

– Какое задание?!

- Конечно, установка палаток.
- Неужели, а может было еще какое?
- Другого не было.
- Так! Так!

Потом меня допрашивали о каждом члене экспедиции в отдельности, с какого времени мы знакомы, что он собой представляет и т. п.

Я пытался выяснить, не имеют ли они чего против наших нарушений финансовой дисциплины.

Они поняли и посмеялись:

– Ну мы же не дураки, все прекрасно понимаем. Если к вашим рукам ничего не прилипло, нам вмешиваться незачем.

– Тогда какого черта я здесь?

– А вы нам не нужны, спасибо, все выяснили. Можете идти. Вот пропуск.

Был уже вечер, когда я вышел на Литейный. Вдали маячила фигурка моего помощника. Оставалось еще время впритык до отлета. Домой заехать уже не успели.

Когда прилетели в Ростов, в музее узнали причину всех волнений.

К экспедиции добрались едва живые. Был конец недели, и туда еще никто не приходил: ростовские следователи были медлительнее ленинградских.

В понедельник прибыли прямо на раскопки и ростовские гости. Также ничего не объясняя, попросили провести их к моему лагерю. При подходе к лагерю и меня, и их ожидал сюрприз: поперек входа в лагерь был разостлан по земле большущий лист обоев с яркой надписью: «Ну не брали мы вашего золота!»

Да, – сказали гости, – тут нам делать уже нечего.

Все же напротив нашего лагеря на другом берегу протока всё время отдыхали какие-то загорающие. Они загорали в любую погоду. А через месяц они вдруг исчезли. Я поехал в Ростов узнать новости. Действительно, вора обнаружили там, на юге, и нашли украденные и, увы, переплавленные им сокровища...”

Это был рецидивист. Он долго высматривал в музейном зале сокровища и прицелился к золотыми фаларам из-за их варварского великолепия. Серебряные чаши ему приглянулись меньше, хотя на рынке древностей их бы оценили значительно дороже. Рассчитал точно время. В день ограбления забрался на крышу соседнего многоэтажного дома, спустился по веревочной лестнице, пробил ногами окно второго этажа музея, бросился витринам и схватил восемь фаларов, в том числе два самых крупных. Сирена завопила, старушка-охранница бросилась в уборную и выставила пистолет перед собой, полагая, что дороже всего у нас ценится человеческая жизнь...

Да, после такой передраги у Клейна, наверное, даже волосы поседели.

Теперь давайте узнаем о третьей версии. В 2002 году в Ростове-на-Дону вышла книга «Тайны Донского сыска». В ней я обнаружил очерк Дмитрия Невзорова под интригующим названием «Золотой сыщик». Первые же его строки заставили меня подпрыгнуть. Но обо всем по порядку.

10. Золотой ростовский сыщик

«Золотой Сыщик» – так в ГУВД Ростовской области уважительно называли подполковника милиции в отставке Леонида Семеновича Воскобойникова. Его своеобразный рекорд, установленный в 70-х годах XX века, не побит до сих пор: сотрудник ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) вернул государству десятки килограммов золота самой высокой пробы. А раскрытая при его непосредственном участии кража из музея уникальных сарматских украшений по сей день изучается на кафедрах криминалистики в ВУЗах МВД России...

2 июля 1971 года Воскобойникова неожиданно вызывал к себе заместитель начальника УВД области полковник Иван Корчма:

– Сегодня ночью из Ростовского краеведческого музея украдены древнейшие золотые украшения. Сигнализация сработала, но охрана не успела задержать преступника. Следов нет. Есть вероятность, что фалары могут всплыть у твои «подопечных». Ты включен в группу по раскрытию кражи от службы ОБХСС.

Кто такие были «подопечные капитана Воскобойникова»?

Летом 1971 года в донской столице перед сотрудниками ОБХСС была поставлена серьезнейшая задача – ликвидировать сеть хитроумных перекупщиков золота. Операция проходила под кодовым названием «Сапфир».

В те годы действовала 88-я статья Уголовного Кодекса РСФСР «Нарушение правил о валютных операциях». Она провозглашала, что лица, уличенные в незаконных сделках с золотом и ювелирными изделиями, могут быть осуждены судом на десять – пятнадцать лагерей особого режима, а при отягчающих обстоятельствах даже получить «вышку».

В поле зрения оперативщиков попала группа скупщиков золота, за которой в ходе операции «Сапфир» стало вестись наблюдение.

Один из группы, Ермаков, занимался своей «коммерцией» еще с дореволюционных лет. Другой, Колеров, во время войны служил механиком у летчика, Героя Советского Союза Мересяева.

54-летний Поляков по кличке Безрукий после войны был заподозрен в том, что в военные годы он сотрудничал с немцами. Но улики против него не было. Не могла ведь быть уликой против Полякова потерянная им в годы лихолетья рука. В среде перекупщиков у Полякова была кличка «Безрукий».

Эти «старики-коммерсанты» были профессионалами высокого класса. Поймать их было не просто тем более, что выбрали они рабочее место в центре города, но весьма оригинально.

В семидесятые годы в Ростове официальная скупка золота находилась в магазине «Фарфор-Хрусталь» с огромными витринными стеклами. «Старики – коммерсанты» смекнули, что этими витринами можно воспользоваться, если приобрести театральные бинокли и через них рассматривать с противоположной стороны улицы то, что происходит в скупке. Для облегчения «непосильного труда» старики заходили в кафе «Дружба», расположенного через улицу напротив «Фарфора и Хрусталя», усаживались за столиками. Им было прекрасно видно, кто и зачем зашел в скупку. Бинокли помогали различать золотые изделия. Интуитивно «старики-коммерсанты» догадывались, когда человека не устраивала предлагаемая скупщиком цена. А далее дело было проще пареной репы. Оставалось перейти улицу, дожидаться, когда человек с золотом выйдет из скупки, подойти к нему и предложить более высокую цену.

Купленное золото старики перепродавали, а разницу клали в карман. Увлечшись своим «бизнесом», «золотые коммерсанты» и не заподозрили, что за ними ведется наблюдение. Все сделки «стариков» фиксировались на фотоленку.

Операция «Сапфир» была готова к завершению, но в работу сотрудников милиции вмешалось непредвиденное обстоятельство – кража золота в Ростовском краеведческом музее. Что было общего между «Сапфиром», магазином «Фарфор и Хрусталь» и кражей музейных ценностей? Оказалось, что если бы не было «Сапфира», «Фарфора и Хрусталя» не была бы и раскрыта золотая кража!

Для начала Воскобойников решил выяснить, что же украл грабитель? Оказалось, сарматские фалары!

Они были обнаружены в 1962 году при раскопках Садового кургана в Новочеркасске. Археологи установили, что это захоронение сарматского вождя, относящееся ко второму веку до нашей эры. Фалары украшали сбрую коня.

Фалары представляли собой серебряные диски, обтянутые золотой фольгой с тиснением. На них изображались стилизованные пантеры. В центре двух больших декорированных бирюзой и гранатами фаларов (всего их было 14 – два больших и двенадцать маленьких) выгравировано было изображение барса. Глаза, уши и пасть зверя были инкрустированы бирюзой. По кругу размещены были еще пятнадцать стилизованных голов зверей. При изготовлении фаларов использовались различные приемы ювелирного искусства рубежа нашей эры. С точки зрения художественного исполнения те фалары были лучшими образцами сарматского зооморфного (звериного) полихромного стиля. Они были изготовлены в среде сарматских племен, обитавших в северном Причерноморье. Ныне имеют большую научную ценность. Сарматские фалары были уникальны по своему художественному стилю и исполнению и не имели аналогов ни в одном музее мира.

Выезд на место происшествия сыщикам практически ничего не дал. Удалось только в общих чертах восстановить картину того, как преступник проник в музей. Опера УГРО предположили, что, спустившись по веревке или складной лестнице, вор разбил вначале окно, затем витрину, похитил украшения и тем же путем скрылся. Экспертная комиссия установила, что общая розничная стоимость семи похищенных фаларов с учетом их уникальности и исторической ценности составляет 500 тысяч рублей (более полумиллиона долларов).

Этот предварительный анализ позволил следственно-оперативной группе не распыляться по пустякам, а сосредоточиться на версиях о заранее подготовленной и хорошо спланированной краже. Таким образом, все выводило на перекупщиков, работавших у магазинов «Фарфор-Хрусталь» и «Подарки». В ростовских криминальных кругах это были самые известные скупщики краденых раритетов, и столь ценные вещи не могли пройти мимо них. Отныне буквально каждый шаг группы «стариков» контролировали сотрудники из службы наружного наблюдения, а все сделки снимались скрытыми фотокамерами. Дело о краже из музея находилось на особом контроле не только МВД, но и Совета Министров СССР.

Работая по делу о фаларах, следственно-оперативная группа раскрыла около десятка преступлений, но сарматские сокровища как сквозь землю провалились. Кто-то из сыщиков даже предположил, что кража была заграничным заказом, и фалары уже давно за кордоном у какого-нибудь буржуа в частной коллекции. Верить в это никому не хотелось.

«В конце августа 1971 года я получил сигнал, что сегодня Безрукому принесут несколько слитков золота, – рассказал Воскобойников автору очерка Дмитрию Невзорову, – сделка должна была состояться у магазина «Подарки». Интуиция подсказывала, что мы приближаемся к долгожданной развязке. Но всех волновал вопрос – почему слитки? Решили задержать и продавца и скупщика».

Групп захвата тогда не было, сыщики проводили операцию своими силами. Полякова-Безрукого вместе с золотом взяли без проблем, а вот за вторым, молодым парнем, который пришел на встречу с Безруким, пришлось побегать. Задержанным оказался Василий Антюшин. Буквально через полчаса опера выехали с обыском к нему домой, в Батайск. Там обнаружили

два слитка золота явно кустарного производства и большое количество ювелирных изделий. Под давлением улики Антюшин сознался: кража фаларов – его рук дело. Но, к сожалению, они больше не существуют...

На момент совершения кражи Василию Антюшину было 23 года. Успев закончить семь классов, он угодили в тюрьму. Освободившись досрочно, подался на золотые прииски в Якутию. Через три месяца вернулся домой и привез из якутских золотых приисков 25 граммов золота. Знакомый батайский ювелир Луганский сделал ему перстень-печатку с монограммой «АВН» – Антюшин Василий Николаевич.

Но молодому парню этого было мало. Хотелось во что бы то ни стало разбогатеть. Василий решился на кражу. Подходящее золото он видел в музее. Там на его вопрос, сколько же стоят древние украшения, экскурсовод ответила – бесценны. Однако Антюшин уже прикинул, какую прибыль ему принесут фалары.

К краже он готовился тщательно. Изучил подходы, проработал вариант бегства. Сплел веревочную лестницу. Ночью по пожарной лестнице взобрался на крышу многоэтажного дома, перебрался на крышу музея и затаился.

Около четырех часов утра Антюшин спустился по веревочной лестнице к нужному окну. Раскачался и одним ударом вышиб оконную раму. Не обращая внимание на сработавшую звуковую сигнализацию, он рванулся к стенду, кулаком в перчатке разбил витрину, сорвал фалары и рассыпал их по карманам. Затем по веревочной лестнице спустился в хозяйственный двор музея, перелез через каменную стену и скрылся.

Вернувшись рано утром домой, Антюшин выпался, а затем, взяв у знакомого ювелира бензиновую горелку, пошел на берег ближайшего болота. Здесь он разломал два больших и пять малых фаларов: серебро выбросил в болотную жижу, а золото расплавил горелкой.

Далее в игру вступили крупные дельцы «теневого бизнеса»: ювелир Луганский, тот, что дал горелку, переплавлял золото фаларов в маленькие слитки, удобные для сбыта, изготовлял крестики; Поляков-Безрукий скупал и перепродавал слитки. А сам Василий, после удавшегося дела, был настолько щедр, что даже дал немного сарматского золота одному из своих родственников, чтобы тот вставил себе зубы.

Вот так соединились самоотверженный труд археологов, восстанавливающих древнюю историю нашей страны, безумные действия хрущевского правительства, вылившиеся в новочеркасский расстрел, неумная жажда к стяжательству уголовного мира. Неужели человеческий прогресс может развиваться, только преодолевая хитросплетения неумных страстей наших натур?

11. Борьба за древнее золото не имела начала и не имеет конца

Но почти все клады имеют особое свойство. И пять тысяч лет назад, и три, две, тысячу, семьсот лет назад устроители захоронений были убеждены, что в умах их соотечественников созревают планы ограбления их захоронений. Поэтому не только устраивали всевозможные уловки, чтобы драгоценности не нашлись злоумышленниками, но и накладывали проклятия на будущих похитителей ценностей.

Примером могут служить всемирно известные раскопки гробницы фараона Тутанхамона английским лордом Карнарвоном. Его предупредил мистик граф Хейман, что лорду и его рабочим нельзя входить в гробницу из-за возможного проклятия. Не послушались. Прочитали древнюю надпись на склепе фараона: "Тех, кто потревожит сон фараона, постигнет смерть", лишь улыбнулись наивности древних египтян. 17 февраля 1923 года лорд и его команда вошли в склеп. А 5 апреля 1923 года здоровяк лорд после очередного посещения склепа умер в каирской гостинице. Врачи предположили, что причиной смерти могли быть укусы moskitov, переживших многие тысячелетия в склепе. Но официальное заключение было более понятным – умер от воспаления легких. И такой диагноз поставлен в жарком Египте! За десять лет из 27 членов экспедиции лорда умерли 25 человек, бывших в расцвете сил.

Приведу современный пример. Был в Ростове прекрасный археолог Евгений Иванович Беспалый (1954–2000). Окончил исторический факультет Ростовского государственного университета. Один из самых известных и удачливых археологов Дона последних десятилетий 20-го века. Его фамилия стала легендой в археологических кругах Юга России. Его не зря называли самым удачливым донским археологом современности: ведь больше половины золотых находок при раскопках древних курганов на Дону сделал именно он – Евгений Беспалый.

"Археология это не моя работа. Это мой образ жизни", – так он говорил про себя, и это были не пустые слова.

Его жизнь можно было назвать подвижнической. При нищенской зарплате он вкладывал в археологические изыскания даже свои деньги. Он нашел для государства древние сокровища, которым поистине нет цены, а сам большую часть жизни прожил в полевом вагончике – у него не было даже своей квартиры.

В 1982 году Евгений Беспалый, будучи сотрудником Азовского краеведческого музея, начал копать курганы во время сооружения Приморской оросительной системы. Наступил его звездный час. Сразу же, в 1982-м он нашел в сарматском кургане первых веков нашей эры захоронение. Оно было разграблено в старину, там все же остались два великолепных бронзовых котла у которых ручки были сделаны в виде животных. А немного в стороне от погребения в кургане находился тайник. Там был зарыт парадный сервиз: серебряный с позолотой кувшин с ручкой в виде сидящей гиены, четыре двуручных серебряных канфара (небольшие кувшинчики), серебряная кружечка с ручкой-пантерой, и золотая чаша, имитирующая виноградную гроздь, весом более чем полкилограмма!

Велик ли был шанс найти тот тайник? Сарматы, родственники похороненного, зарыли ценности в стороне, предвидя, что могила будет разграблена. Этот тайник не нашли грабители могил еще во времена самих сарматов. Евгений копнул чуть в стороне – и сразу наткнулся на золото. Что это? Чутье археолога? Или просто удача?

Им раскопаны сотни донских курганов и сделаны уникальные находки сарматского времени: золотые и серебряные украшения, чаши-канфары, кувшины, редкие по красоте предметы конской упряжи, уникальный меч с изображенными на нем сценами борьбы орла с верблюдом. Он один откопал золотых изделий столько, сколько, пожалуй, все археологи страны за десять лет. Но ценность совсем не в килограммах драгметалла...

Из донских курганов он извлек изумительной красоты браслеты, древний сервиз для вина – серебряный тазик, ситечко, шесть чаш, кинжал, золотой оклад которого весит восемьсот граммов, а оклад рукоятки – шестьсот, скифский меч, накидку для лошади, расшитую пятнадцатью тысячами золотых бляшек. Эти вещи сейчас хранятся в Азовском краеведческом и Ростовском областном музеях краеведения.

Все эти сарматские сокровища, найденные Е.И. Беспаловым, неоднократно экспонировались в Японии, Франции, Великобритании. Многие из его находок вызывали восхищение посетителей выставки «Золото амазонок» в Париже.

Смерть подстерегла Евгения Беспалого коварно при раскопках летом 2000 года. В конце лета в теплых стоячих водоемах иногда заводится вирусная инфекция – лептоспироз. Можно выпить воды, или даже помыть в такой воде руки со свежей ссадиной (что скорее всего и произошло с Евгением) – и получить заражение. Эта болезнь коварна – недели две длится инкубационный период, а потом появляются симптомы обычного простудного заболевания: ломота, высокая температура, общая вялость. Сначала Евгений думал, что приболел, и рассчитывал отлежаться в лагере. Но болезнь не проходила, и он из под Азова на автобусах и электричках добрался до своего жилища, находившемся между Ростовом и Таганрогом, рядом с хутором Недвиговка – на территории античного города Танаис. Жилищем был полевой вагончик.

Болезнь продолжала развиваться. Самое страшное в лептоспирозе то, что он поражает нервную систему. Евгений начал бредить. Он с кем-то разговаривал наяву, к нему являлись духи каких-то людей. Как знать, не тех ли древних воинов, чьи останки пришлось потревожить археологу? Может быть, удачливость Евгения и в самом деле носила фатальный характер? Ведь эта болезнь достаточно редка, никто из ростовских археологов ни разу ею не заболел. Почему смертельный недуг коснулся именно Евгения, самого везучего археолога? Почему это произошло именно на раскопках? На эти вопросы вряд ли кто-нибудь сможет дать ответ.

Могильные вирусы были беспощадны. Со смертью Евгения Беспалого закончилась целая эпоха в донской археологии, которую можно назвать романтической.

Именем Евгения Беспалого назван переулочек в Ворошиловском районе Ростова-на-Дону.

Человек ради древних сокровищ пожертвовал своей жизнью. Разве только ради них? Он пытался установить связь времен. Связь прошлого с настоящим.

Вернемся к моим новочеркасским хозяйкам. Две, оставшиеся в те прискорбные дни в живых, поделились все же со мной своей тайной. Действительно, их предок принимал участие в прокладке водопровода через курган Хохлач. Утаил сарматские золотые пластины. Передал их своему внуку. Тот, белогвардеец, перед отходом белоказацких войск за рубеж закопал их в районе Сенного переулка (ныне переулок Галины Петровой). Украденное белоказакком сарматское золото восприняло землю как продолжение своего двухтысячелетнего сна. Не просто, как продолжение сна тысячелетий, а как сохранения проклятия, наложенного древними нашими предками. Потому и погибли люди пытавшиеся прикоснуться к нему.

В мою учебную бытность в Новочеркаске в пятидесятых годах прошлого столетия мостовая переулка была вскрыта при прокладке первого в Новочеркаске трамвая. Я был свидетелем, какой неприглядный вид имел тогда переулок Галины Петровой. Но тогда уже был удивлен тому, что услышал как-то, что некоторые новочеркасцы называли трамвайный путь в переулке Галины Петровой золотым. Почему?

Неужели жители Новочеркасска подразумевали под своим «золотым трамваем» не только сарматское золото, хранящееся в Эрмитаже, но и золото, оставшееся в земле после поспешных раскопок кургана Хохлач в 1864 году? И конечно, новочеркасцы, наверное, передавали от поколения к поколению легенду об украденной части сокровищ во время раскопок Хохлача. Не поэтому ли до сих пор их ищут, затаившись, наследники?

Но в последнее время всемирный интерес к кургану Хохлач, наконец-то, разогрел и Эрмитаж. Вышла в 2011 году прекрасно изданная монография ведущего научного сотрудника

Эрмитажа, доктора исторических наук Ирины Петровны Засецкой «Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад». В нем можно найти фотографии сарматских диадем, корон, венцов, золотых сосудов, браслетов, серебряной и бронзовой посуды и многого другого.

Любуясь ими, мы чувствуем гордость из-за наших предков. Недаром в поэме Александра Блока «Скифы» можно найти строки:

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

Наше сердце испытывает гордость, а глаза некоторых из нас – жадность...

Пришло время рассказать о разговоре начальника УВД Ростоблисполкома генерала Бориса Елисова с грабителем Ростовского музея краеведения Василием Артюшиным.

– Василий, украденные тобой сарматские украшения были изготовлены более чем две тысячи лет до твоего рождения, их не тронули ни войны, ни катастрофы... Ты понимаешь, что уничтожил не просто фалары, а историю нашей страны? О чем ты тогда думал? – спросил генерал.

– Я не века подсчитывал, – ответил Антюшин, – а цену прикидывал.

Действительно, в семье не без урода! Одни члены человеческой семьи жертвуют жизнью, чтобы раскрыть тайны прошлого, другие их уничтожают. Жизнь – это борьба добра и зла на всех ее этапах существования.

Глава II

Золотые кони, селитра и космодром

1. Золотая рыбалка

Низовье Волги – это мои родные места. В Астрахани я родился. Когда подрос, вместе с отцом ходил на рыбалку на берег волжской протоки Ахтубы. Рыбаки любят рассказывать необыкновенные истории. Один из них как-то довел нас от смеха до слез.

Закинул удочку Виталий Трофимович, а вытащить не смог. Пришлось раздеться и нырнуть. Вытащить не получилось. Позвал на помощь друзей. Совместными усилия раскопали на дне протоки амфору!

– Неужели древнегреческую? – рассмеялся папа.

– От чего это у тебя рот до ушей? – рассердился Виталий Трофимович. – Ты знаешь, где мы живем? На древней земле Золотой Орды! А до нее кто здесь властвовал? Хазары, половцы, скифы, сарматы...

– А что такое амфора? – спросил я.

Когда мне объяснили, что это такой особенный кувшин для вина, изготовленный древними греками много тысяч лет назад, я побежал вдоль берега, стал приглядываться к каждому камню. А может быть, я найду такой же кувшин?

Да, малые годы мои прошли в местах очень даже интереснейших.

Об этом я вспомнил, когда заглянул в газету «Известия». Читателю будет любопытно познакомиться с известинским сообщением:

«24 ноября 2010. В РЕЧКЕ БАХТЕМИР КЛЮЮТ ЗОЛОТЫЕ ЗВЕРИ.

У села Троицкое Икрянинского района Астраханской области местные рыбаки случайно наткнулись на золотые украшения, которые историки уже причислили к коллекции древних сарматов. Археологи утверждают, что находка уникальна в масштабах всего научного мира...

Когда друзья бродили вдоль берега реки Бахтемир, присматривая удобное место для рыбалки, о поисках клада конечно же не думали. Погода в Астраханской области в это время года ясная, а вода – кристально чистая. Вот и заиграл на солнце желтый металл – голова животного, украшавшего закрученный в спираль золотой браслет. Предмета оказалось два. Рядом, покопавшись на мелководье, ребята обнаружили и шейное украшение в виде лежащего с подогнутыми лапами зверя, похожего на кошку.

Археологи объясняют: здесь река Бахтемир подмыла северную часть Бэровского бугра и, очевидно, разрушила древнее захоронение. После в район Троицкого спешно выехали археологические эксперты, но специалистам удача, увы, не улыбнулась.

Представители Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника в один голос заверяют: им крупно повезло. Не только потому, что в скором времени коллекция знаменитого на весь мир сарматского золота пополнится невиданными доселе ценными экспонатами. Главное, что два простых парня-рыбака из отдаленного села не отнесли свой "улов" перекупщикам, а поступили по совести, написав письмо в интернет-приемную министерства культуры Астраханской области.

– Предположительно, украшения принадлежат к богатому захоронению сарматского времени, ориентировочно IV–V века нашей эры, – поясняет Андрей Курапов, заместитель директора по науке Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника. – Нынешнюю находку характеризует ярко выраженный скифо-сарматский "звериный" стиль. Точный вес драгоценностей – 1088 граммов. Скорее всего, принадлежали они мужчине-воину.

Кстати, в научном мире уже зародились споры по поводу драгоценностей. Специалисты по сарматскому золоту из Волгоградского государственного университета, которым астраханские коллеги отправили фотографии украшений, увидели на них не тело хищного животного, а голову барана. Начальник управления по сохранению культурного наследия и развитию культурного туризма Астраханской области Иван Кузнецов говорит: судя по грубому исполнению основного прута украшений, они являются репликами изделий, которые изготавливали в греческих городах Северного Причерноморья. Археологи отмечают, что случайных находок в коллекции сарматского золота практически нет. Все ценности были добыты в ходе двух кропотливых археологических экспедиций в 70-х и 80-х годах прошлого века. По массивности и вовсе в коллекции сарматского золота нет украшений, подобных только что найденным».

2. Космическая гавань на земле «Золотой орды»

Прочитав это сообщение, как было не вспомнить мне удивительные места в низовье Волги. Ее рукав Ахтуба, левый берег Ахтубы – это не только впечатляющая древность, но и порясающая современность. Здесь кочевали скифы и сарматы, здесь процветали столицы «Золотой орды», здесь наладил связь с околоземным пространством наш современный знаменитый ракетный полигон.

Ракетный полигон «Капустин Яр» прежде всего отождествляется в моей памяти с выведением на околоземные орбиты космических аппаратов серии «Космос» и «Интеркосмос».

Пуски проводились сотрудниками нашего Ракетно-Космического Конструкторского «Южное» в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия под патронажем заместителя нашего главного конструктора Героя Социалистического Труда, академика В.С. Будника.

Василий Сергеевич был легендарной личностью. В конце мая 1945 году он и профессор Юрий Александрович Победоносцев, внесший большой вклад в теорию горения порохов в камере ракетного двигателя, установивший критерий устойчивости горения, известный как «критерий Победоносцева», были командированы в побежденную Германию для выяснения сути нового немецкого ракетного оружия Фау-2. Через три месяца к ним присоединился С.П. Королев. В 1946 году в Подмосковье был создан военный ракетный институт «НИИ-88». Его начальником стал Л.Р. Гонор, а сотрудниками Ю.А. Победоносцев, С.П. Королев и В.С. Будник. С.П. Королев возглавил воссоздание немецкой ракеты Фау-2. Заместителем С.П. Королева по конструкторской части был В.С. Будник.

Ракета Фау-2 ими была собрана. А где ее испытывать?

В мае 1946 года, на месяц позже того, как американцы произвели первый запуск вывезенной из Германии Фау-2 на своём полигоне Уайт Сэндз в Нью-Мексико, советским правительством было принято постановление № 01017-419 о создании первого советского ракетного полигона. Руководство его строительством было поручено Государственной комиссии под председательством министра вооружения СССР Дмитрия Федоровича Устинова.

Рекогносцировочную комиссию по поиску подходящего для строительства полигона места возглавил генерал-майор артиллерии В. И. Вознюк. Это была известнейшая в артиллерийских кругах СССР личность.

Василий Иванович Вознюк родился 20 декабря 1906 (1 января 1907) года в семье артистов Харьковского драматического театра. В юности работал суфлёром и рабочим сцены в различных театрах, а затем был принят матросом на пароход каботажного плавания в Мариуполе.

В восемнадцать лет по путёвке ЦК комсомола Украины был направлен на учёбу в Ленинград в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, но из-за отсутствия среднего образования поступил в 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу имени Красного Октября. После окончания которой в 1929 году служил в 30-м артиллерийском полку (30-я стрелковая дивизия, Харьковский военный округ), дислоцированного в Днепропетровске, на должностях командира взвода, командира батареи, начальника полковой школы, помощника начальника штаба полка, а с 1937 года – на должности начальника штаба этого полка, временно исполнял должность командира полка.

С 1938 по 1939 годы был преподавателем Пензенского артиллерийского училища, помощником начальника учебного отдела с одновременным исполнением обязанностей командира одного из дивизионов данного училища.

С июня 1941 года принимал участие в боях на фронтах Великой Отечественной войны, встретив её начало в звании майора и должности начальника штаба 7-й противотанковой бригады (Западный фронт). Затем служил на должностях начальника оперативного отделения

штаба артиллерии 13-й армии (Брянский фронт) (1941), начальника штаба гвардейских миномётных частей, вооружённых гвардейскими миномётами «БМ-13».

В 1944 году был назначен на должность заместителя командующего артиллерией 3-го Украинского фронта по гвардейским миномётным частям.

В годы войны участвовал в Московской и Сталинградской битвах, Одесской, Яско-Кишиневской, Белградской, Будапештской, Венской наступательных операциях.

В июне 1945 года был назначен на должность заместителя по гвардейским миномётным частям командующего артиллерией советской Южной группы войск в Австрии.

После Австрии Василий Иванович оказался в Москве. Ему, как председателю рекогносцировочной комиссии, предстояло выбрать место для первого советского ракетного полигона.

Ему было предложено семь вариантов мест размещения полигона. Эти места были в кратчайшие сроки тщательно обследованы. Собраны и проанализированы были материалы о них по метеорологии, гидрологии, коммуникациям, строительным возможностям и т. д. В итоге наиболее подходящим был признаны два места строительства. Первое – недалеко от Волгограда, на территории Астраханской области, в десяти километрах от границы с Волгоградской областью, на берегу волжской протоки Ахтубы, возле села Капустин Яр. В двадцати километрах от второй столицы Золотой Орды Сарая-Берке. Второе место для размещения полигона – на Северном Кавказе, в Грозненском округе Ставропольского края, возле станицы Наурской.

До июня 1947 года, как свидетельствуют архивные документы, предпочтение отдавалось станице Наурской. В одной из докладных записок маршала артиллерии Николая Яковлева говорилось: «Строительство государственного центрального полигона в районе станицы Наурской дает возможность проложить трассу испытаний до 3000 километров и обеспечить проведение испытаний не только ракет дальнего действия, но и всех видов сухопутных зенитных и морских реактивных снарядов. Этот вариант потребует наименьших материальных затрат на переселение местного населения и по переводу предприятий в другие районы».

Против строительства полигона в Наурской выступил только министр животноводства Козлов, мотивировавший свой протест необходимостью отчуждения значительной части пастбищных земель.

Конечно, для развития животноводства в Чечне и Калмыкии отчуждение пастбищ для падения ступеней ракет было неприемлемо. Но ведь село Капустин Яр находилось на древней земле, связанной с историей человечества!

Но ведь у нас где не копни, обязательно обнаружишь какую либо древность. Например, космодром Байконур тоже находится на древнем шелковом пути из Китая в Европу.

Так древняя Скифская, Сарматская и Золотоордынская земля оказалась в круговороте сегодняшнего человеческого прогресса.

18 октября 1947 года в 10 часов 47 минут по московскому времени в десяти километрах от границы Сталинградской и Астраханской областей и в двухстах километрах от развалин первой столицы Золотой Орды Сарая-Бату и в двадцати километрах от развалин второй столицы Золотой Орды Сарая-Берке, на берегу волжской протоки Ахтубы был произведен в СССР первый старт немецкой баллистической ракеты. Ракета Фау-2 поднялась на высоту 86 километров и разрушилась при входе в плотные слои атмосферы. Ее обломки достигли поверхности Земли в 274 километрах от старта с отклонением около 30 километров от цели.

С 18 октября по 13 ноября 1947 года были запущены 11 ракет. Из них 9, если можно так сказать, достигли указанного места падения. С крупнейшим отклонением от цели – более тридцати километров.

Затем с 1947 по 1957 года полигон Капустин Яр был единственным местом испытаний советских баллистических ракет Р-1 (сентябрь – октябрь 1948 года, сентябрь – октябрь 1949 года), Р-2 (сентябрь – октябрь 1949 года), Р-5 (март 1953), Р-12, Р-14, и т. д.

20 февраля 1956 года на полигоне Капустин Яр было проведено испытание ракетно-ядерного оружия. Стартовавшая ракета Р-5М доставила ядерную боеголовку в приаральскую степь, где и прогремел ядерный взрыв. В дальнейшем в 1957–1959 годах на полигоне Капустин Яр проходили пуски межконтинентальной баллистической ракеты «Буря».

Василий Иванович Вознюк был бессменным начальником полигона на протяжении 27 лет. За этот период полигон превратился в крупнейший испытательный и исследовательский центр.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1961 года (с грифом: «Не подлежит опубликованию») за выдающиеся достижения и внесенный большой вклад в дело выполнения заданий правительства по созданию специальной техники гвардии генерал-полковнику артиллерии Василию Ивановичу Вознюку присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот».

Далее пуски баллистических ракет были перенесены на «Китайский шелковый путь» – на полигон Тюра-Там (по названию рядом расположенной железнодорожной станции), переименованном в последствии в «Байконур».

16 марта 1962 года полигон Капустин Яр изменил свой статус. В тот день был осуществлен запуск на околоземную орбиту космического аппарата «Космос-1».

Этой было детище нашего ракетно-космического КБ «Южное». «Космос-1» был выведен на орбиту космическим носителем «Космос». Создателем этого комплекса ракета и космический аппарат – был наш молодежный коллектив под руководством главного конструктора дважды Героя Социалистического Труда академика М.К. Янгеля. Основы нашего ракетно-космического комплекса были заложены В.С. Будником.

Нашей ракетой-носителем «Космос» 14 октября 1969 года в Капустином Яре был выведен на околоземную орбиту спутник «Интеркосмос-1». Он был создан специалистами социалистических стран при непосредственном участии сотрудников нашего КБ «Южное». А затем последовали запуски на околоземные орбиты нашей ракетой «Космос» целого ряда международных космических аппаратов. Вот так Капустин Яр превратился в космодром – международную космическую гавань.

Далее с теперь уже международного космодрома ушли в околоземной полёт с помощью наших ракет-носителей «Космосов» индийские спутники «Ариабхата» 19 апреля 1975 года и «Бхаскара» 7 июня 1979 года, французский исследовательский спутники «Снег-3» 17 июня 1977 года...

В восьмидесятые и девяностые годы космодром «Капустин Яр» во время горбачевской перестройки и после развала Советского Союза оказался не у дел.

Только в 1998 году наступило долгожданное его возрождение. После долгих лет бездействия с космодрома стартовала первая наша коммерческая усовершенствованная ракета-носитель под старым испытанным названием "Космос". На околоземную орбиту были выведены ею иностранные спутники "ABRIXAS" и "Megsat-0". Кроме того на полигоне возобновились испытательные работы. Идеи о превращении «Капустина Яра» в межвидовой испытательный полигон, наконец-то, нашли своё воплощение. В 1999 году на полигон были передислоцированы из Казахстана наши испытательные полигоны с Эмбы и Сары-Шагана. Вот так космодром Капустин Яр расширил свои возможности.

3. Донской казак Ермак Тимофеевич на Ахтубе

История космодрома Капустин Яр, конечно, интересная. Но не надо забывать, о древней Золотой Орде. Ракеты ракетами, космические аппараты космическими аппаратами, но мы ведь помнили и о том, что находимся почти в устье Волги, на ее протоке Ахтубе. Где еще найдешь более отменную рыбалку? Как-то наш сотрудник Николай Ефимович Зыков заявил:

– Ракету мы удачно запустили, теперь настало время отдать должное Ахтубе! Пора заняться и рыбалкой! А кстати, что это за такое название «Ахтуба»?

Зашли мы с Николаем Ефимовичем на окраину полигонного города Знаменска. Окраина – это бывшая старинная деревня рыбаков Капустин Яр. Ее название и перешло к космодрому. Встретил нас у порога своего дома солидный мужчина. Поздоровались. Когда узнал, зачем мы пришли, пригласил в свои хоромы. Распили мы спиртика ракетного. Завязалась задушевная беседа.

Михаил Иванович Роданев улыбнулся и раскрыл книгу:

– Почитайте. Это сказание о первопроходце Сибири донском казаке Ермаке. В нем вы найдете первое упоминание о нашей протоке.

«...Во славном понизовом городе Астрахани,
Против пристани матки Волги-реки
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донские славны атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович.
И стали они во единой круг,
Как думати думушку заединое,
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имену Ермак Тимофеевич:
«Ай вы гой еси, братцы атаманы казачие!
Не корыстна у нас шутка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матросами,
И всем животом его покорыстовались;
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить – ворами слыть,
На Яик идти – переход велик,
В Казань идти – Грозен царь стоит,
Грозен царь-осударь Иван Васильевич;
В Москву идти – перехватанным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным.
Пойдемте мы в Усоля ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым;
Возьмем мы много свинцу, пороху

И запасу хлебного».

И пришли они в Усолье к Строганову, взяли запасы хлебные, много свинцу, пороху, и пошли вверх по Чусовой-реке, где бы Ермаку зима зимовать. И нашли они пещеру каменную на той Чусовой-реке, на висячем большом камню; и зашли они свех того камню, опускалися в ту пещеру казаки, не много не мало – двести человек, а которые остались люди похужея, на другой стороне в такую ж они пещеру убиралися. И тут им было хорошо зима зимовать. Та зима проходит, весна настает; где Ермаку путя искать? Путя ему искать по Серебряной реке. Стал Ермак убиратися со своими товарищами; по Серебряной пошли, до Жаровля дошли, оставили они тут лодки-коломенки; на той Баранченской переволоке одну тащили, да надселися, там ее покинули. И в то время увидели Баранчу-реку, обрадовались, поделали боты сосновые и лодки-набойницы; поплыли по той Баранче-реке, и скоро они выплыли на Тагиль-реку; у того Медведя-камня у Магницкого – горы становилися, а на другой стороне была у них плотбища, делали большие коломенки, чтоб можно им совсем убратися. Жили они тут, казаки, с весны до Троицева дни, и были у них промыслы рыбные, тем они и кормилися; и как им путь надлежал, совсем в коломенки убиралися и поплыли по Тагиль-реке; а и выплыли на Туру-реку и поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку, и тут они жили до Петрова дни, еще они тут управлялися, поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины триста человек, а стало уже со теми больше тысячи. Поплыли по Тоболь-реке, в Мяденски юрты приплыли, тут они князька полонили» (Книга "Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях". Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов, общая редакция и вступитупительная статья А. Н. Лозановой, муз. редактор Ф. В. Соколов. М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1956 год).

Вот так, началось с Каспийского моря и с протоки Ахтубы завоевание Ермаком Тимофеевичем Сибири. Памятник ему стоит на площади возле собора Войска Донского в Новочеркасске. В этом городе я учился в политехническом институте. Будучи студентом, не думал, не гадал, что на ракетном полигоне Капустин Яр на берегу протоки Ахтуба сойдутся мои пути с Ермаком Тимофеевичем и с Золотой Ордой.

4. Легенды о Ахтубе

В своем доме на берегу Ахтубы Михаил Иванович Роданев развернул перед нами атлас. На одной из его страниц мы увидели старинную карту дельты Волги с протокой Ахтубой. Михаил Иванович сказал, что эта карта – копия капты 1614 года. Это первое обозначение Ахтубы на карте.

Мы услышали от историка и краеведа Роданева о легендах, связанных с названием протоки. Больше других мне понравилась вот эта.

Жил-был некогда в Золотой Орде хан со своей дочерью Тубой. Когда она повзрослела, отец решил выдать ее замуж против воли дочери. Вот настал день свадьбы. Жених жил на другом берегу реки. Сели в лодку хан и Туба и отправились на другой берег. Не захотев жить по воле отца, Туба прыгнула в реку. Долго звал ее отец: "Ах, Туба, Туба", но она не вынырнула. От слез безутешного хана и образовалась наша река Ахтуба.

Есть и другая легенда. Купалась вроде бы ханская дочь красавица Туба в реке. На повороте её подхватило быстрым течением и унесло в глубокий омут. С тех пор хан не переставал вздыхать «Ах, Туба, ах, Туба». А жители его страны стали называть реку Ахтубой.

Но вернемся к Золотой Орде. Кроме золота были там и богатства иного толка – это женщины. Свозили в столицу хана Батые Сарай-Бату на протоке Ахтуба самых красивых дев со всей Руси. Были здесь и монгольские красавицы. Среди них ярче и краше всех была прекрасная танцовщица Туба. Она покорила сердца многих горожан, в том числе и хана. Знатные гости и заезжие купцы восхищались ее внешней и внутренней красотой, умом и смекалкой. Ее танцы завораживали и сводили с ума самых устойчивых семьянинов и помолвленных богачей. Туба была любимицей постоянного двора в центре города. Но никогда и ни за что не позволяла себя унижить.

Но, как всегда и во все времена, известность и красота девушки не давала покоя зажиточным дамам и богатым женам, чьи мужья подолгу просиживали за дурманящим напитком в постоялом дворе, засматриваясь на красоту танца и очарование Тубы.

Даже самые из покорных жен все же решились пойти на поводу у своих решительных подруг и объединились с ними для хитрой злочастной задумки, дабы отворожить мужчин от полюбившейся им танцовщицы.

Однажды неизвестные схватили девушку в самом людном месте города, чтобы все видели, что ее красоте и очарованию пришел конец, завязали в черный мешок, бросили на лошадь и увезли в низовья Волги в протоку.

Какими бы не были кровожадные похитители, они неоднократно развязывали мешок, расстилали ковер и просили Тубу станцевать. Это были раздирающие сердце и душу танцы. Похитители плакали после каждого из них...

Летопись этой истории говорит: «Четыре раза переплывали лошади протоку и три раза они скакали по топким ее берегам, пока не увидели одинокое дерево у темного берега. Был полдень второго дня пути. Привязали мешок на сухую ветвь и несколько раз ударили по нему кинжалом. Кровь обагрила воды протоки. В небе появились орланы. Всадники ускакали прочь. Но каждый раз в полдень их можно было видеть в том постоялом дворе, где танцевала Тубы, заливающих дурманящим напитком содеянное.

Долгое время мужское население города ходило понурым и тихословным. Многие годы к сухому дереву на берегу дельтовой протоки, одолев сотню километров пойменных лугов, приезжали всадники в черном и бросали на окровавленный берег у дерева цветы, как дань признания и любви к прекраснейшей на земле девушке-танцовщице, забравшей с собой их сердца и души. И повторяли под крики орланов:

– Ах, Туба! Ах, Туба... Ну почему же мы поддались золоту ненавистных жен?

Ушли мы от краеведа и историка Михаила Ивановича Роданева переполненные восторгом к краю, в котором родились такие прекрасные легенды. Еще больше нас удивило, что Василий Иванович Вознюк (будущий генерал-полковник, Герой Социалистического Труда, – основатель колыбели Советских Ракетных Войск Стратегического Назначения – космодрома «Капустин Яр»), имея в руках семь вариантов мест для построения космодрома, выбрал то место из семи, где творилась история Азии и Европы.

5. Золото и рубины Сарая-Бату

На этом берегу Ахтубы давным давно процветали поочередно две столицы Золотой Орды. Но минуло более пятьсот лет и берег стал международным космическим портом.

Если проехать от космического порта на юг по течению Ахтубы, то через двести двадцать километров встретит путешественников старинное село Селитренное. Оно возникло на месте первой столицы Золотой Орды Сарая-Бату.

В двадцати километрах на севере от «Капустина Яра» ныне находится старинное Царево село. Оно возникло на месте второй столицы Золотой Орды Сарая-Берке.

Каждый километр на этом берегу – это, конечно, изумительные древние легенды.

Ну как было ни выбрать время в плотном графике испытания ракет, ни выпросить у начальника нашей летно-конструкторско-испытательской экспедиции «газик» и ни отправиться к седым развалинам!

С правой стороны шоссе поражали виды поймы протоки – озера, луга, рощи. С левой стороны выжженная солнцем степь. Наконец-то, появился дорожный знак «Село Селитренное».

И сразу же воображение нарисовало восточный шумный город. Воображение ли? Неужели вопреки законам физики мы преодолели время и перенеслись на много веков в прошлое? Неужели мы находимся в Сарая-Бату?

Столица Золотой Орда протянулась вдоль Ахтубы километров на пятнадцать, а в глубь степи более чем на три километра. Перед нами раскрылись сплошные ряды домов, мечети, дворцы, стены которых засверкали мозаичными узорами, водоемы, наполневшиеся прозрачной водой, обширные рынки и склады. К небу стал подниматься дым литейных производств, керамических артелей, ювелирных мастерских. На самом высоком холме над берегом Ахтубы перед нами стал возвышаться ханский дворец. И конечно, как и рассказано было в старой знакомой легенде, он удивил нас золотыми стенами и крышей. Ну как было не понять, почему все государство стало носить название «Золотая Орда»!

А что это творится в переулках? Почему там бродят толпы мусульман, а в мастерских работают тысячи пленных. Неужели ремесленников свезли сюда со всех покоренных земель?

И совсем странное явление на площади! Как шмели возле соцветий, жужжат какие-то странные люди в европейских костюмах! Неужели сюда, в Сарая-Бату, слетелись самые отчаянные, любопытные и безрассудные европейцы – купцы, шпионы, миссионеры, послы?

На площади собралась группа одних из них. Слышим говор:

– О, Сарая-Бату – Рим!

Подходим, представляемся:

– Мы из космодрома.

На нас смотрят, как на инопланетян. Пытаются от нас бежать. Догоняем. Один из убежавших, вдруг, приблизился к нам. Наверное, любопытство пересилило:

– Кто вы такие? Почему говорите по-славянски? Я знаю славянский язык. Был в Киеве. О, это ужасный город. Его сжег хан Батый – владыка Сарая-Бату! Вы сказали «космос». Но ведь это понятие древнегреческой философии и культуры. Платон в диалоге «Тимей» рассматривал космос как живой, соразмерный организм, обладающий разумной душой, а человека – как часть космоса. В Древней Греции Платон сформулировал несуразность в объяснении устройства космоса: он божественен, значит, все небесные тела должны двигаться равномерно по круговым орбитам, однако движение планет противоречит этому требованию!

После этой тирады, в обморок чуть ли не упали мы.

Оказалось, наш собеседник францисканский монах Джиованни дель Плано Карпини.

В Сарая-Бату к монгольскому хану прислал его вместе с посольством католический папа Иннокентий IV. Францисканский монах Джиованни дель Плано Карпини слыл умным и тонким дипломатом.

Карпини выехал в апреле 1245 года из Лиона, где находилась тогда резиденция папы. Миссия направилась через Богемию (Чехия), Силезию и область Краковского герцогства в Киев.

После того, как монголы разорили Черниговское княжество осенью и зимой 1239–1240 годов, они подошли к Днепру напротив Киева и отправили в город посольство с требованием о сдаче. Но посольство было уничтожено киевлянами. Киевский князь Михаил Всеволодович спешно уехал в Венгрию, чтобы заключить династический союз с королем Венгрии Белой IV против монголов. Однако венгерский король не захотел союзничать с киевлянином.

Тем временем монголы 5 сентября 1240 года переправились через Днепр и осадили Киев. Обороной города руководил тысяцкий Дмитр.

Решающий штурм пришёлся на 5 декабря 1240 года. Монголы пробили стены города сразу в нескольких местах, но защитники Киева отошли в детинец. На следующий день воины Батыя приступили к штурму центральной части города. Сломив сопротивление киевлян, монголы устроили массовую резню и подожгли Десятинную церковь, в которой укрылись последние защитники города. Сгорели защитники Киева от батыевских стрел с особыми наконечниками. В наконечниках была заложена селитра, добытая монголами с берега Ахтубы! Селитра – это основа пороха. О селитре еще не знали славяне.

Грабеж Киева продолжался несколько дней. Сколько золота и драгоценных камней погрузили монголы в свои мешки! Вместе с золотом монголы отправились по покрытому льдом Днепру к Черному морю. А затем вдоль его северного побережья и частично по прибрежному льду к Дону и дальше к Волге.

В возникшем передо мной видении Плано Карпини заявил, что стал свидетелем того, как свезенные со всех покоренных земель специалисты – ремесленники украсили город Сарая-Бату награбленным в Руси золотом. Творение их рук не отличалось от лучших достижений мастеров соседних государств.

К нам подошли другие знаменитые путешественники Рашид-ад-Дин, Гильом де Рубрук, Ибн Баттута, Иоганн Шильтбергер. Они только разводили руками – как ни странно, но это самый продвинутый по золоту город в мире!

Но Бату-хан не только укреплял свои обширные владения, но и решил отделать столицу и двор такой роскошью, чтобы «от зависти подавились костью» не только его многочисленные родственнички – монгольские ханы, но и сам китайский император. Его богатству Бату втайне люто завидовал. Поэтому в своей столице с населением почти в 600 тысяч человек он приказал построить резные мечети, фонтаны, водопровод, канализацию и даже посадить фруктовые деревья... Чего только не было в столице Золотой Орды Сарая-Бату!

Доход от богатой киевской добычи пошел на украшение покоев Бату парчой и шелком, персидскими коврами. Привередливый внук Чингисхана вкушал пищу только на золотой посуде, богато инкрустированной драгоценными камнями. Крупные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, жемчуг россыпью украшали одежду хана, оружие его и его верных приближенных.

Знаменитую шапку Батыя, отороченную соболиным мехом, венчал огромный изумруд, величиной с куриное яйцо, который когда-то был глазом статуи божества в индийском храме.

В покоях хана всегда курился ладан, ценившийся на вес золота. День и ночь лучшие музыканты – рабы, вывезенные из Европы, услаждали слух Сына неба.

– Хан завел при дворце даже зверинец с тигрми, львами, множеством певчих птиц. В зверинце размахивал огромными ушами и хоботом даже слон! Но честолюбивому Бату, этого мало, – заявил нам Гильом де Рубрук, фламандский монах-францисканец, – он захотел, чтобы

каждый въезжающий в столицу сразу понимал, что посетил владения самого великого правителя в мире. Вы только посмотрите на батыевских золотых коней!

– Что еще за золотые кони? Где вы их обнаружили?

– Вы как вошли в город? Неужели не через городские ворота? Только такого необыкновенного чуда, как сараевские золотые кони, нигде в мире не встретишь!

6. Золотые кони хана Батыея

Западноевропейские путешественники подвели нас к первому чуду света. Две конные скульптуры излучали золотое сияние.

– Случилось так, что умер любимый арабский скакун хана Батыея, – на растяжку заговорил арабский путешественник из Марокко Ибн Баттута, – и хан, погоревав, задумал запечатлеть его образ в золотой статуе. Необычную работу доверили колокольных дел мастеру, некогда захваченному в Киеве. Батый не скупился – всю дань, собранную за год на Руси, обратили в золото. По легенде, на статую пошло пятнадцать тонн драгоценного металла. Грандиозного сверкающего коня поставили у ворот Сарай-Бату.

Однако Батый решил, что две статуи, установленные по бокам ворот, смотрелись бы лучше. Был изготовлен второй конь, точная копия первого. Второго золотого коня с горящими рубиновыми глазами тоже поставили при входе в столицу золотоордынского ханства у городских ворот. После этого русского мастера убили, чтобы он больше не мог создать ничего подобного.

Легендарные кони с рубиновыми глазами, отлитые из чистого золота, олицетворяли могущество Орды. Ее предводители стали гордо именовать свое государство Золотым.

По разным подсчетам вес каждого из коней насчитывал от полутора до семи тонн. А может быть даже и до пятнадцати тонн. Почему была такая разница в весе? Потому что до сих пор остается загадкой – были ли те кони пустотелыми или полностью золотыми? И какого размера были кони – миниатюрными или в полный рост?

И все же, скорее всего, золотые кони были изваяны в полный рост, потому что согласно высказываниям древних путешественников, сияющие в лучах солнца, скакуны были видны издалека. Иноземные купцы передавали из уст в уста рассказы о диве, каким не мог похвастать больше ни один город на земле...

Этим золотым сиянием мы были поражены настолько, что один из нас, Николай Ефимович сделал шаг навстречу золоту. Вслед за ним сделал шаг и я. Мы оба одновременно воскликнули:

– Можно погладить коней?

И не получив согласие, подбежали к ним и...

И в этот миг раздался оглушительный гром! Мы ослепли. И когда стало возвращаться зрение и мрак стал рассеиваться, мы увидели суровую нашу действительность. Исчезли в небытие Сарай-Бату, золотой дворец, золотые кони...

Перед нами простиралась покрытая редкими стебельками полыни однообразная степь с редкими кучками земли. А в овражках валялись пластиковые бутылки, полиэтиленовые мешки с остатками чей – то еды, старая рваная обувь, старый разбитый унитаз и прочий хлам...

– Ну что, проснулись? – спросил наш чудесный знакомый и историк – краевед Михаил Иванович Роданев. – Это и есть теперешняя Золотая Орда с ее столицей Сарай-Бату. Кучки земли – это остатки минаретов. Земляные неровности когда-то были фундаментами зданий. Ханский дворец еще в средние века разобрали по кирпичику и отвезли кирпичи баржами по Ахтубе в Астрахань. Из них выстроили по приказу царя Федора Астраханский кремль. Остатки других зданий использовали жители села Селитренного для постройки своих домов. Село это старинное. Возникло по приказу императора Петра I для добычи селитры. Селитра нужна была для изготовления пороха. Из-за нее монголы построили свою столицу на берегу Ахтубы. Придать неприглядный вид окрестностям постарались не только жители пороховщики села Селитренного, но и наши современные путешественники. Наши нравы теперь не знают границ. Поел и выбросил пластиковую бутылку. Ничего, что она только через сто пятьдесят лет разложится. Будет над чем поработать будущим археологам лет через сто.

– Михаил Иванович, а куда делись золотые кони? Ведь мы только что их поглаживали! –
возглас недоумения вырвался из нашей груди...

7. В поисках золотого коня Мамаю

– О, это удивительная история, у которой есть начало, но у которой нет конца! – со вздохом произнес наш ракетчик из «Капустина Яра» и одновременно наш экскурсовод Михаил Иванович Роданев. – В 1255 году Батый умер. После недолгого правления его сына воцарился в Золотой Орде брат Батые Берке. При нем Золотая Орда фактически обособилась от Монгольской империи. Новый властитель даже перенес свою ставку подальше от Сарая-Бату, вверх по течению Ахтубы в то место, где теперь находится село Царев, а в двадцати километрах южнее – космодром «Капустин Яр».

– Перенес почему? – полюбопытствовал я.

– Наверное, селитра закончилась, хотя еще и после Петра I добывали в Сарая-Бату ее более ста лет. Новую столицу хан Берке назвал своим ханским именем – Сарая-Берке. Конечно, вывез Берке из столицы брата и золотых коней. Поставил их возле ворот Сарая-Берке. Со знаменитой драгоценностью расстаться было, конечно, нельзя!

Долго они украшали Сарая-Берке. Но случилась то, что является до сих пор загадкой, не нашедшей разрешения до сих пор.

8 сентября 1380 года между реками Дон, Непрядва и Красивая Меча, на Куликовом поле (в настоящее время юг Тульской области) сошлись русские войска под началом князя Дмитрия (будущего Донского) и татарские под командованием Мамаю.

Мамаю был разгромлен.

Но на Куликовом поле случились для Мамаю и еще две трагедии. Вторая – что делать с золотым конем? Не желая расставаться с ним, Мамаю прихватил его с собой в поход. Могли же золотого коня украсть соплеменники! Третья трагедия, может быть даже более существенная.

Дело в том, что июне 1370 года умер золотоордынский хан Абдуллах. Современники предполагали, что его убил Мамаю. Впрочем, убедительных доказательств этому не обнаружено. Новым ханом был провозглашен восьмилетний Мухаммед-Булак (малолетний Бюлек) из того же рода Батуидов, как и умерший Абдуллах. По причине малолетства Бюлека вместо него стал править Золотой Ордой его воспитатель Мамаю. Во время Куликовской битвы погиб Бюлек. Ему вскоре должно было бы исполниться восемнадцать лет. И он должен был бы вступить на законных основаниях на престол. Но русский меч сразил его.

Кем теперь стал Мамаю? Никем! Без законного хана его власть потеряла легитимность. Тут же объявился законный потомок Чингизхана Тохтамыш. Он вызвал Мамаю «на дуэль». В конце сентября 1380 года состоялась решающая битва между войсками Мамаю и Тохтамыша на реке Калка. Где была на самом деле Калка, неизвестно. Но историки Н.М. Карамзин и С.М. Соловьёв сошлись во мнении, что где-то возле днепровских порогов. На поле боя большая часть войск Мамаю перешла на сторону законного хана Тохтамыша и присягнула ему. Мамаю с остатками верных не стал устраивать кровопролития и бежал в Крым.

Хитрый Тохтамыш успел захватить гарем Мамаю и знатных женщин из потомства Джучи, которых возил с собой даже в походы сластолюбивый Мамаю.

Находясь в Крыму, Мамаю с остатками верных войск и золотым конем попробовал бежать в Кафу (ныне г. Феодосия). В Кафу Мамаю не пустили. Он был перехвачен разъездами Тохтамыша и убит. Тохтамыш похоронил Мамаю с почестями в селе Айвазовское (ранее Шейх-Мамаю) возле Феодосии. Над его могилой был насыпан курган. Вместе с Мамаем в ту могилу по приказу Тохтамыша захоронили и одного из легендарных золотых коней из Сарая-Берке.

Вместо того, чтобы присвоить себе золотого коня, Тохтамыш поступил нетрадиционно. Наверное, от радости, что стал теперь полноправным ханом Золотой Орды. Да и о Мамае потомки – монголы не должны были забыть, Ведь был же воспитателем Бюлика!

Потомками Мамаю были также и князьями в великом княжестве Литовском. От сына Мамаю ведут свой род князья Глинские, родовые владения которых находились на землях Полтавской и Черкасской губерний Украины. Михаил Глинский устроил в Литве мятеж, пытаясь захватить власть. Когда попытка не удалась, перешёл на службу к московским царям.

Его племянница Елена Глинская была матерью царя Ивана IV Грозного. До нее и до ее сына Ивана IV дошли слухи о золотом коне предка. Но как можно было завладеть золотом предка, если Елене Глинской и Ивану IV надо было для этого вначале расправиться с казанскими татарами?

Кроме того слухи были противоречивыми. Кто-то утверждал, что Мамаю с золотым конем захоронили не в Крыму, а в Заволжье, в кургане (а их там более семи), возле притока Волги реки Еруслан.

Еруслан по-тюрски означает «лев». Впадает Еруслан в Волгу напротив поселка Нижняя Добринка. Этот ведь поселок почти мой родной. Часто я приезжал в Нижнюю Добринку к моим родственникам. Поселок основали в XVIII веке немцы, приглашенные императрицей Екатериной II в Россию. Немцы и ныне проживают в этом поселке.

Переpravлялись я и мой брат Александр Воронов на катере к курганам Еруслана. Пытались исследовать эти древние вместилища золотых сокровищ. Кто-то из немцев – старожилов рассказывал нам, что будто бы лет сто назад один из обрусевших немцев нашел на одном из курганов золотое копыто. Наверное, кто-то из черных археологов (и в то время они были) отрыл коня, распилил его на части. Но золотое копыто забыл на кургане. Но все это опять же лишь легенда, ни чем не подтвержденная.

Что касается Мамаевского кургана в Крыму, то им в свое время занимался великий российский художник – маринист Иван Константинович Айвазовский (автор знаменитой картины «Девятый вал» и проживавший в Кафе – Феодосии). Подходящий курган он нашел, но до золотого коня не добрался.

Есть в России и другие Мамаевы курганы. Например, в Волгограде. На нем шли жестокие бои во время Великой отечественной войны. Вся поверхность кургана была изрыта снарядами, минами и бомбами и полита кровью красноармейцев. После такого сражения разве до золотого коня теперь волгоградцам?

Другая легенда рассказывает о том, что во время боев сталинградский берег обрушился. Из обрыва выглянули стволы старинных пушек, а в их жерлах засверкали старинные золотые монеты. Выглянула и голова золотого коня! Но следующая фашистская бомба отправила пушки и коня в Волгу.

Итак, мы теперь, уважаемые читатели, знаем, что золотой конь Мамаю дожидается своих археологов и любителей приключений.

Что же произошло со вторым батыевским золотым конем? Легенды о нем одна интересней другой!

8. Второй золотой конь у ушкуйников Великого Новгорода?

Кстати, дальнейшее родство донских казаков с ушкуйниками еще в 1915 г. отметил известный историк казачества Е.П. Савельев.

Шел 1368 год. В Москве к юному только что взошедшему на московский престол царю Дмитрию, будущему победителю в битве с татарами, сверкая мечом, ворвался посол Золотой Орды. Закричал на Дмитрия, стал угрожать страшными карами. Молодой царь не мог поверить в рассказ разгневанного татарина. Оказывается, на столицу Золотой Орды город Сарая-Берке напала армия воинов – русичей. Красивейший город был разграблен и сожжен в один день. Русичи не только его разграбили, но и уничтожили его жителей. Захватили несметные сокровища и словно сквозь землю провалились. Унесли большую часть казны Золотой Орды. И что самое интересное, захватили золотого коня! Князю Дмитрию монгольский посол стал угрожать – не найдешь золотого коня и казну, голова с плеч! Как же было не разволноваться князю Дмитрию, если это случилось за двенадцать лет до Куликовской битвы. Князь – то не успел еще сил набрать, чтобы послать ханского посла подальше.

Раздробленные русские княжества еще только набирали силы, чтобы, противостоять военной мощи завоевателей. А монголы в это время владели уже всеми торговыми путями из Азии в Европу. Так что золота у монголов было выше их юрт.

На Руси монголы покорили все княжества. Но до Новгородской Республики не добрались. Не дотянулись до новгородцев хищные кровожадные лапы монголов. Помешали встретившиеся на пути монголов непроходимые леса и болота. А если это так, то почему бы новгородцам не найти способ и проверить Золотую Орду на прочность? Пограбить золотоордынскую казну и заодно освободить русских пленников?

Только кто из новгородцев будет этим заниматься? Великий Новгород всегда был готов вступить в конфликты, отстаивая торговые пути со своими северными соседями: шведами и норманнами. Но чтобы разграбить столицу Золотой Орды Сарай Берке, находившуюся на огромном расстоянии от северных новгородских земель, это было, казалось, совершенно невозможным.

И все же у новгородцев инициатива была через край! Сам Новгород не мог бросить вызов ордынцам, потому что только в союзе с другими землям он мог представлять для монголов серьезную военную силу. И как раз в то время у новгородцев были очень сложные отношения со своими северо-западными соседями, т. е. с ливонскими немцами и со шведами.

И все же нашлись в Великом Новгороде те, кто отправился в поход на Золотую Орду.

Об этих новгородских инициаторах выйти из дремучих лесов и болот мы можем узнать из письма одного крупного новгородского купца своему партнеру. Письмо было написано на бересте и потому сохранилось в новгородской земле для нас, потомков Великого Новгорода:

«А если хочешь добраться спокойно к нам по реке и свой товар сбережь, прежде договорись с ушкуйниками, иначе весь груз потеряешь, а с ним и живот свой».

Кто такие были ушкуйники, заставившие купца предупредить о них своего партнера? Как рассказал в своих многочисленных публикациях известный российский писатель и историк Александр Широкоград (книга «Русь и Орда», издательство «ВЕЧЕ», Москва, 2004 год) ушкуйниками были новгородцы. По нашему современному восприятию это были вроде, как таксисты или водители большегрузов – фур, но только вместо фур у них были лодки. И были «таксисты» вооружены до зубов.

Лодки назывались ушкуями. На севере Новгородской территории, то есть на побережье Северного Ледовитого океана, поморы называли белых медведей ушкуями. Медвежье название перешло на лодки. А от них получили в древнем Великом Новгороде свое прозвище «таксисты», «водители фур» и их «пассажиры».

Ушкуйское речное судно было длиной 12–14 метров, в ширину – 2–3 метра. Осадка всего 0,5 метра и высота борта до 1,5 метра. С прямым парусом и веслами. Грузоподъемность до 5 тонн. Оно могло вместить в себя 20–30 вооруженных людей да еще и с грузом.

На ушкуях новгородцы ходили на Волгу, Каму и в разные другие места. Пересекали территории княжеств. Ушкуйникам было «по фигуре», согласен ли какой либо князь пропустить их по своей водной глади? Новгородцы вели себя по принципу – речная гладь – это нейтральная территория, если в твоих руках есть оружие! А если князь кочевряжится, то можно его и принудить платить дань.

Конечно, у ушкуйников были сотни судов. А это значит, что флотилия из ста судов представляла из себя вооруженную армию почти в три тысячи человек. Двести судов – это уже армия из шести тысяч человек! Такая флотилия уже могла по Волге проникнуть в Золотую Орду и пограбить ее столицу.

Новгород находился по прямой почти в 2500 километрах от Сарая – Берке. Любая армия на конях, продвигавшаяся по суше, сразу же была бы замечена монголами. Поэтому такое продвижение напрямую к столице монголов было бы невозможным.

Но если передвигаться по рекам, то совсем другое дело. Монголы были всадниками, а ушкуйники – лодочниками. Уважаемые читатели, разницу чувствуете? Чтобы отловить ушкуйников, всадникам надо было сторожить берега рек и иметь лодки, чтобы вести сражения на воде. А как же тогда ставить в повиновение русских князей и брать налоги с их княжеств?

Новгород и Сарая-Берке стояли на берегах рек Волхова и протоки Волги Ахтубы. Путь из одной реки в другую новгородцам был известен уже давно. Из Волхова в озеро Ильмень, из него в реку Мста. А далее волок (ныне на этом месте находится город Вышний Волочек Тверской области) до речки Тверца, впадающей в Волгу. Ушкуйники легко волочили лодки по земле по срубленным деревьям. Точно также добирались ушкуйники до Вятки. Или еще проще до Швеции без волока по реке Волхов, эта река впадает в Ладожское озеро, далее Нева и Финский залив Балтийского моря.

С 1360 по 1375 года ушкуйники совершили 8 больших походов на среднюю Волгу, не считая малых. Под их стремительными атаками не устояла даже Казань. В результате таких походов, было добыто огромное количество сокровищ. Основная часть их была потрачена на покупку оружия и строительство новых судов. Казанские татары стали их бояться и начали платить дань. И это задолго до битвы на Куликовом поле. Вскоре ушкуйникам наскучили такие ближние «путешествия» Они решились идти на столицу Золотой Орды.

Сарая-Берке был построен на берегу Ахтубы. Эта протока была слишком мелководной для тяжелых судов. Но только не для ушкуйников и их легких маневренных кораблей. Скорее всего, ушкуйники подошли к Сараю – Берке рано утром, на рассвете. Они быстро перебили немногочисленную охрану. Все монгольские войска занималась наведением порядка в Русских княжествах. Путь ушкуйникам был открыт. После погрузки на ушкуи ордынской казны и золотой скульптуры коня новгородцы отправились в город за дорогими тканями и оружием. Отплыли также быстро, как и появились. Чтобы за ними не соорудили погоню, грабители подошли город с разных концов. Степной город вспыхнул мгновенно.

Куда дальше новгородцы держали путь? Ушкуйники, однако, в Новгороде не появились. Куда же они пропали с богатой добычей???

Об этом не ведал ни московский князь Дмитрий, ни его коллеги из других княжеств. Золотой конь нигде не появился!

В арабских летописях имеется упоминание, что после успешного набега на Сарая-Берке, неизвестные руссы решили пойти на юг, к Каспию. Но лодки были слишком перегружены. Дальше продолжать поход с такой добычей было невозможно. Арабские летописи не многословны. В них говорится лишь о том, что пришлось неизвестным руссам закопать на некото-

ром волжском острове несметные награбленные сокровища, чтобы затем вернуться за ними. Точное местонахождение острова арабы не знали и поэтому в летописях не указали.

И все же неизвестные руссы в дельте Волги появились, но без золотого коня. В дельте местный хан организовал в честь руссов пир. В самый разгар пира, когда неизвестные руссы потеряли от алкогольного опьянения бдительность, хан приказал своим воинам перебить всех их, не жалея ни кого.

Вот так исчез второй золотой конь из столицы Золотой Орды. Ясно одно – искать необходимо по маршруту следования ушкуйников. Ушкуйники не стали бы прятать сокровища далеко на суше или вблизи торговых маршрутов. Скорее всего они, действительно, нашли небольшой остров, при чем трудно доступный. Сокровище должно было быть спрятано как можно дальше от Сарая – Берке. Ахтуба – протока длинная. От Волгограда до Астрахани почти пятьсот километров. Есть где разгуляться фантазии археологов и искателей приключений!

9. Золотой конь в Ростове-на-Дону?

Было бы удивительным, если бы старики не рассказывали о другой золотой легенде. В Сарая-Берке нагрянули не ушкуйники, а казаки. Можно спорить, о каких казаках идет речь? О Волжских, Уральских, Терских, Запорожских или Донских?

Какие из них способны были в то время оказаться на берегу Ахтубы? Донским, Терским и Запорожским надо было переправиться через Волгу. Занятие не из простых. Волжские и Уральские будто бы находились в родных просторах. Им и карты в руки. Среди башкир до сих пор ходит легенда о золотом коне Батыя. Говорят башкиры, что его на Баргузине закопали.

Один из волжских казаков заявил мне:

– Вы что, думаете, что государство еного коня не искало? Ошибаетесь, искало и ищет, ток территория большая для поиска. А если хотите знать мое мнение – примерно конь в районе городка Калач-на-Дону должен быть.

Не удержалась от соблазна сказать свое веское слово и газета «Аргументы и факты на Дону»:

«13/03/2013 Галина ТИМОФЕЕВА

Наверное, многие слышали предание о конях из чистого золота, украшавших въезд в столицу Золотой Орды, город Сарая-Бату. В настоящее время золотые кони Батыя входят в список самых разыскиваемых кладов России. Историки утверждают: следы легендарных золотых коней, точнее, одного из них, ведут... на Дон. Хан Батый бывал в наших краях. Его ставка находилась на берегу ручья Батай-су (в переводе с тюркского «ручей Батыя»). Впоследствии по имени ручья был назван город Батайск.

С именем монгольского хана связывает Дон не только название города Батайска, но и предание об одном из самых драгоценных кладов за всю мировую историю. Коня увели наши казаки!

...Власть Орды ослабела ещё при жизни Мамая. Узнав о его смерти, казаки настолько осмелели, что, преследуя монголов, без страха врывались на ордынские земли. Однажды отряд казаков ворвался в Сарая-Бату, на несколько часов захватив город. В качестве трофея воины увезли одного из драгоценных коней. При этом одна группа заманила ордынцев в степь, а другая, сбив коня с пьедестала, погрузила его на телегу и поехала в сторону Дона.

Ордынцы помчались в погоню, желая отбить коня. Но поздно. Поняв, что с таким тяжёлым грузом не уйти, казаки затопили драгоценный трофей в степной реке. Удача покинула их. Все они пали в неравном бою с ордынцами. Тайна золотого скакуна погибла вместе с ними. Но монголы из века в век передавали предание о похищенном коне Батыя. Теперь эту легенду знают все кладоискатели мира. Где только не искали золотого коня: и по берегам Волги, и на Крымском полуострове, и даже в сибирской тайге. Но в итоге историки и кладоискатели сошлись во мнении: его надо искать на донской земле...».

Автор публикации Галина Тимофеева твердо уверена в том, что золотой конь находится на земле Донских казаков. Не буду разубеждать ее в этом. И все потому, как эта легенда тоже имеет право на существование.

Эту же легенду поведал миру, но в другой интерпретации, известный донской журналист Юрий Евстигнеев – автор большого количества рассказов о Казаках и Казачьих байках. Он повествует о том, как и почему казачье войско напало на ордынский стан. По версии Юрия Евстигнеева, войско шло за украденной при набеге славянской девушкой. Ей удалось бежать, и перебраться на другой берег реки вплавь, где ее соотечественники и встретили».

Решив, что ордынцам надо надавать по мордам за похищение казачек, казаки переправились на ордынский берег и напали на стан. Завязался кровавый бой. И все же донские казаки сумели ворваться в ордынский шатер и вытащить из него золотого коня. Погрузили его на плот

и отчалили. На другом берегу разделились группками, что бы удобнее было в сторону родных мест пробираться. Коня повез вожак ватаги, отобрав в свою группу родных и друзей. Им предстоял самый сложный путь.

Далее события развивались следующим образом.

«...Плыли на плотках, в основном ночью, реже днем, когда же ордынский разъезд обнаружил их, затопили коня в небольшом озере, заметили место и продолжали свой путь налегке. Когда достигли Дона, скорость движения увеличилась благодаря течению. Спустились вниз по реке к Зеленому острову. Решили заночевать на острове, а на рассвете раствориться на правом берегу в прибрежных лесах.

Ордынцы обнаружили славянский стан, и за час до рассвета напали, переплыв протоку с клинками в зубах. Был ночной бой, жестокий и кровавый. Славяне погибли все. И только Белоголовый, Зеленоглазка с одним из братьев, спаслись. Переплыли Дон, повинуясь приказу отца, нашли тетку, старшую сестру вожака ватаги.

Была она языческой жрицей, одной из последних. Владела тайной подземных ходов Большого Холма, солидной возвышенности на правом берегу Дона. Капище находилось под землей, скрытое от глаз братьев-славян, носящих кресты, а так же от ордынцев, живущих по законам Ислама.

Выслушав их, тетка взяла с них страшную клятву. Молодые люди поклялись, что никому ни детям, ни родичам не раскроют тайну Золотого Коня. Повела их подземным ходом. В начале он был довольно высоким, в рост человека, потом сужался, и в конце была дыра, в которую мог пролезть только худой человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.